

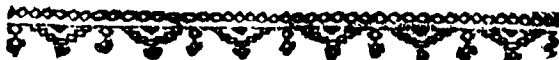
М. С. Крюкова

36052

О богатырях старолрежних и нынешних

В записях Э. Г. Бородиной-Морозовой
и А. А. Морозова

ВОЛОГОДСКАЯ
ЧИТАЛЬНАЯ ЗАЛ
ОГНЗ Библиотека
Архангельское издательство
1946

О НОВЫХ СКАЗАХ МАРФЫ КРЮКОВОЙ

Весной 1943 года народная сказительница Марфа Крюкова была в гостях у краснофлотцев.

Ее попросили спеть старину. Никто из присутствовавших не слышал живого исполнения былин, хотя многие „проходили фольклор“ в школе. Марфа Семеновна решила спеть старину „Петровичи-Сбродовичи“, одну из лучших в ее репертуаре. „Она покойнику Юрию Матвеевичу (академику Соколову) порато нравилась. И молодым будет послушать“, — пояснила она.

Былина „Петровичи-Сбродовичи“ новеллистического содержания. В ней участвуют все киевские богатыри. Но они не совершают ратных подвигов. Богатыри у себя дома, на досуге. Князь Владимир дает почестен пир. В светлых гриднях, за столичками окольными, за скатертями браными, на скамеечках рыта бархата си-

дят богатыри старокиевские. Пьют чашу зелена вина. Пир идет к вечеру. Разговорились богатыри, прирасхвастались:

А и умной-от захвастал родным батюшкой,
А разумной-от захвастал родной матушкой,
А богатыри захвастали своей силушкой,
А купцы-гости торговые золотой казной,
А млады карабельщики дальним нлаваньем,
А черны пахари трудом своим.

Только два брата богатыря 'Петровичи-Сбродовичи хвастают родной сестрой Настасьей:

Солнце не запекло лица девичья,
Как порошка оно снежку белого.
Как заплачет наша сестрица—
Скачон жемчуг из глаз будто катится,
А заулыбается—красно золото увивается.

Укрыта она в высоком тереме за дубовыми дверями, за заморскими замками. Ветры буйные к ней не залетали, добрые молодцы не засмотрели лица белого. Не замог слушать такую похвалбу Алеша Попович. Вскочил на резвы ноги, вежливо похвалил Сбродовичей за их ратные подвиги, повторил все их похвалбы родной сестре да примолвил, что гулял с ней в зеленых лугах. Тут братьям Петровичам „за беду пришло“. Схватка богатырей. Вмешательство князя Владимира. Алеша просит прощенья, но подает братьям совет пойти в полночь к терему

Сбродовны, закатать комочек снежку белого, бросить в косисчато окошечко и поглядеть, что будет.

Петровичи степенно поднимаются из-за стола, чинно прощаются, кланяются в пояс князю Владимиру, неторопливо шествуют к терему сестры и поступают, как наказывал Алеша. Услыхала Настасьюшка, что прошелестел снежок по слюдяному косисчатому окошечку. Вспорхнула, заpromолвила:

Где ты долго, соколик, не приходишь-то?
Где ты, ягодка моя наливная?..

Страшен гнев братьев. Поразломали они двери дубовые, разогнали караульчиков. Они жестоко расправляются с сестрой: развивают ей косу, снимают перстни.

Сказительница поет сдержанно, сурово. Сперва она пела застенчиво, один раз её голос сорвался, и она несколько стихов проговорила, но потом окрепла и полилась старина.

Былину она ведет великолепно. Былина развертывается пышно, цветисто, рождается на глазах. Уверенно, отчетливо набегают мотив за мотивом.

Замечательно выдержана былинная традиция; поражает сохранность былинного стиля. Только слушая былину начинаешь понимать, как могла звучать она на Севере в былые времена, когда

в долгие зимние ночи рыбаки-поморы плели сети и пели былинку за былинкой. Мало-помалу, как узорчатый гобелен, выступает древнерусская новелла. Былина на переломе. Неумолимые братья ведут сестру на казнь. К заставе сбегается весь Киев. Все оплакивают красоту Сбродовны. Появляется на своем коне Илья Муромец. Он сватает Настасью за Алешу Поповича.

Аудитория слушает с живейшим вниманием, хотя сказительница поет уже два часа. Но в живом ритмичном исполнении не замечаются былинные повторы, медленное нарастание сюжета, обилие вспомогательных, несущих ритм частиц „то“, „всё“, „же“ и др., подчас мешающих в чтении. Не затверженный, возникающий на глазах текст имеет своеобразную прелесть.

Все присутствующие сроднились с богатырями. Они узнали их, как близких людей, с их домашними делами, страстями, обидами и слабостями. Былина пришла к концу. Но вот наплывают новые мотивы. Появляются новые богатыри: Добрыня, Михаил Игнатьевич, Роща-Роща-Росшиби-Колпак, Иванушко Гонёнович, Хотеюшко. Парад киевских богатырей.

Сперва мне кажется, что сказительница просто нащупывает конец и хочет дать героическую концовку. Но былинные мотивы ткутся и ткутся. Начинает почти нечувствительно выплывать что-то новое. Врывается личный, страстный тон.

Марфа Семеновна вспоминает свою поездку в Киев, как она искала улочки, по которым ходили русские богатыри, и удивлялась, как это Илье Муромцу нет памятника.

Сказительница переходит на свободную импровизацию. Киевские богатыри не умерли. Услышав о страданиях родной земли, они пробудились, поднялись на смертный бой. Илья Муромец созывает свою верную дружину. И встают один за другим богатыри; Крюкову охватывает своеобразное творческое воодушевление. Она оживляется и даже показывает, как конь нежно кладет голову на плечо богатыря:

Ихны кони-то возрадели,
Кажный обнял хозяина да за белу шею.

Крюкова иногда перебивает себя и, словно вспомнив что-то давно ей известное, торопливо говорит:

— А еще вот что он сказал, Илья Муромец...

И она вкладывает в его уста горячие слова—призыв постоять за родную земелюшку. Начинается вольная импровизация о том, как Илья Муромец бывал на морях, хаживал к самому морюшку Хвалынскому—ее любимому морю, устанавливал „заставушки морские богатырские“.

„Приводил и к нашему морю Белому богатырей... Или кого посылавал“,— говорит она с детским смущением и не очень уверенно...

Былинные богатыри для Крюковой живые люди. Она знает их норы и обычаи — хмурую доброту Добрыни Никитича, слабости „девичьего пересмешника“ — вечно юного Алеши Поповича и разум Ильи Муромца.

Русский героический эпос создал замечательную галерею защитников родины. Илья Муромец — воплощение самого народа, его неиссякаемой силы, доблести и мужества. Назначение всей его жизни „оберегать святую Русь“. Добрыня Никитич обрисован в былинах, как человек, стоящий на вершине тогдашней культуры. Он смел, решителен, наделен тонким умом и образованностью, знанием жизни и людей. Он умеет и на гусях играть и складывать старины. Алёша Попович „напуском смел“. Он ловок, стремителен и находчив. Былины награждают его беззаветной отвагой. Богатыри-брателки „Петровичи-Сбродовичи“ посвящают свою жизнь защите далеких рубежей — „заставушкам богатырским“. Они зорко смотрят, чтобы враг не заскочил серым волком, не залетел черным вороном, не заполз змеем ползучим. Бесшабашный удалец, гордый и независимый Василий Буслаев, предприимчивый и находчивый Садко, бывалый и осторожный Дюк Степанович, богатырь-малолетка Михаил Игнатьевич, сызмальства посвятивший себя отечеству, храбрый Сохматий, которому в борьбе со злой силой вражеской по-

могает сама природа, Иванушка Залешанин, Роща-Роща-Росшиби-Колпак и множество других богатырей — каждый из них наделен своей индивидуальностью, но все они прежде всего люди с горячим русским сердцем.

Бескорыстное служение родине составляет основную идею русского героического эпоса. Чист и светел облик русского богатыря. Спокойный и уверенный в себе, Илья Муромец говорит всем правду в глаза. Все его помыслы посвящены родине. В одной из старых записей Илья Муромец призывает богатырей итти на смертный бой:

Не ради князя Владимира,
Не ради княгини Апраксы Королевичны,
А ради матушки свято Русь земли.

(П. Н. Рыбников, Песни, 2-е изд., № 7)

Так же, как в классических записях Рыбникова и Гильфердинга, Марфа Крюкова, продолжательница лучших традиций русского героического эпоса, характеризует своих любимых богатырей. Когда басурманская королева „баба Латынгорка“ предлагает Илье Муромцу остаться у нее „царем царить“, лишенный ложного тщеславия и корысти Илья с достоинством отвечает:

Мне не честь тогда была вот молодецкая,
Не заслуга была же богатырская,
Я покинул бы ведь славу Россиюшку.

(Былины М. С. Крюковой, т. 1, № 13)

Ни почести королевские, ни власть в чужой стране, ни сокровища, ни женские обольщения бабы Латынгорки не могли заронить в Илью Муромца даже мысли о том, что он может ради подобных благ покинуть Русь.

В былине „Выручает Алеша Попович из плена сестру родну“, князь Владимир, напутствуя Алешу, говорит:

Своя родина-то каждому милей всего,
Не сменится никто на красно золото,
Не сменится никто на чисто серебро.

(Былины М. С. Крюковой, т. I, № 32)

Вот почему так естественно звучат слова Ильи Муромца, обращенные к воинам Красной Армии, как к продолжателям своего дела, своим преемникам, своим внукам.

Мотив посмертного возвращения любимого героя глубоко народен. Он известен в мировом фольклоре. В армянском эпосе IX века „Давид Сасунский“ витязь Мгер Младший уходит на дедовском коне в скалу. Он будет находиться в ней, покуда в мире не исчезнет ложь и несправедливость:

Когда разрушится мир и воздвигнется вновь,
Когда будет пшеница как лесной орех,
Когда шиповника ягода будет ячмень,
Тогда придет мой день.¹

¹ *Давид Сасунский*, Армянский народный эпос, Четыре ветви, Ереван, 1939, стр. 377—378.

Мысль о том, что древние русские богатыри не умерли, знакома и русскому фольклору. На роду тяжело было расстаться с ними навсегда. Народ раздумывал, куда делись русские богатыри, и сложил печальную старину о Камском побоище, о том, как перевелись богатыри на Руси. Но народ не мог примириться с этой мыслью. Во втором томе „Былин“ Крюковой опубликовано короткое пропевание „Виденье рыболовов“ (№ 72; запись Э. Г. Бородиной-Морозовой от 19/VIII 1938 г.). В этой элегической старине рассказано, как однажды поутру днепровские рыболовы увидели выходящих из воды на конях богатыря и поленицу (храбрая женщина, богатырка). Они открывают рыбакам свою тайну: они — древние богатыри — оберегают славный Киев-град, охраняют землю русскую. Богатырь и поленица садятся на коней и уезжают. Долго недоумевают рыбаки. Потом ищут их по белу свету. Все надеются, что богатыри снова объявятся:

А может хопь бывали они почкой тёмною...
Велик Днепр, не переездишь-то,
Кто ведь знает, с какой приедут они стороночки?
Тут во всю жизнь свою рыбаки да дивовались:
— Кабы знали это, ведали...
Пошли за ними бы, поехали...

Это замечательное место, до сих пор не отмеченное фольклористами, заслуживает боль-

шого внимания. В записанной от Крюковой также в 1938 году былине „Камское побоище“ есть такие строчки:

Будто все же пропевали люди старые,
Что ведь будет времячко, подойдет тогда,
Оживет-то будто конь его богатырской-от,
Как пробудится Илья Муромец от сна смертного,
Он ведь скажет будто всем же таковы речи:
„Ах, как долго, долго спал, да как я скоро встал.
Будто сядет на своего коня Белеюшка,
Он поедет будто воевать попрежнему.“

(Былины М. С. Крюковой, т. I, № 34)

Вплоть до нашего времени и другие сказители по-своему не расставались с мыслью о том, что живы наши славные русские богатыри.¹

¹ В статье „Живая старина“ в журн. „Народное творчество“ (1938, № 10—11, стр. 70) Н. Леонтьев упоминает о сказителе Иване Кирилловиче Осташеве из деревни Смекаловки, на Нижней Печоре: „По твердому убеждению Осташева Илья Муромец жив и посейчас. Иван Кириллович рассказывает сказку о том, как Илья до революции ежегодно появлялся в Москве, как его преследовали полицейские и как Илья ушел от них в подземное царство“. Леонтьев приводит сюжет былины, которую собирался сложить Осташев о том, как Илья странствует по деревням советской Руси.

Из всего вышесказанного видно, что это поэтическое переживание, это обновление русского национального мифа о богатырях, свершающееся на нашем Севере, нельзя рассматривать как „модернизацию“, нечто свойственное только современным сказителям. Сохра-

В предании, записанном у крестьян Боровицкого уезда Новгородской губернии, неподалеку от родных суворовских мест, говорится, что в глухом, далеком лесу, за урёмою, под болотом, в скалистой пещере сидит, склонив седую голову, спит крепким сном богатырь Суворов. И будет спать, покуда не покроется русская земля кровью бранному коню по щиколотку. И тогда восстанет ото сна славный богатырь Суворов и освободит родину от злой напасти.¹

Любимые национальные герои бессмертны, как и сам русский народ.

Эта мысль окрепла и выкристаллизовалась в дни Отечественной войны. Она находит себя и в торжественной импровизированной концовке в пропетой старине, как в „Петровичах-Сбродовичах“, так и в сложенном Крюковой большом сказе „Растреложилась вся земелюшка“, и в приветствии Красной Армии в день ее

нилось, например, случайное, но вполне достоверное свидетельство о том, как олонецкий сказитель Кузьма Иванович Родионов, когда его спросили, не знает ли он, как перевелись богатыри на Русь, убежденно ответил: „Не перевелись, а только не показываются... пограва огненная пошла, оттого им и быть нельзя“. (См. журнал „Семейные вечера“ 1865, стр. 306—307).

¹ А. В. Елисеев, — Народные предания о Суворове, „Древняя и Новая Россия“, 1879, т. I, № 8, стр. 340—341. Ср. также *Хирилл Пигарев*, — Солдат-полководец, М. 1944, стр. 3

двадцатипятилетия „С великим праздником“, напечатанном в районной газете Приморского района, Архангельской области, „Большевицкая путина“ от 23 февраля 1943 года, и в „Сердечном посланьице“ (к двадцатипятилетию комсомола) и др.

В „Сердечном посланьице“ богатыри берутся за оружие, оторванные злыми ворогами от мирного труда:

В прежно времячко да во досельное
Были русские богатыри-то пахарями...
Засевал поля Микула Селянинович,
Он сперва-то пеньице-кореньице выдергивал,
Очищал земелюшку ои от каменьица,
А тогда орал он свое полюшко.
Выходили-то когда да злые вороги,
Тут бросали-то богатыри пашни хлебные,
Выпрягали добрых коней из сохи тогда,
Вытрясали земелюшку из сохи они
И выкинывали сохи во ракитов куст.
Скинывали тут богатыри одежду пахарей,
Скинывали тут они да платьё потное,
Одевали тут они одежду богатырскую,
Надевали латы всё булатные.

Страшные в своем гневе потревоженные труженики — таков новый образ богатырей старорусских.

Былинные богатыри — воля народа, олицетворение его героического прошлого. Русские былинные богатыри — действенные образы. Не случайно Зоя Космодемьянская записала еще школь-

ницей в своем дневнике об Илье Муромце: „Когда его одолевает злой нахвальщик, то сама земля русская вливает в него силы“. Пронесенные через века воспоминания о богатырях рожают новые подвиги. Былинные богатыри говорят нам, что нет в мире врага, который мог бы „одолеить русскую силу“, что все, кто посягает на родину, на ее настоящее и прошлое, на то, что составляет гордость русского сердца и разума, несут историческое возмездие.

7 ноября 1941 года, напутствуя доблестные советские войска, товарищ Сталин вызывал к памяти героические имена прошлого: „Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!“

В творческой памяти сказительницы сохранилось много образов, связанных с этими славными именами.¹

Предлагаемые ниже сказания Крюковой развертываются как импровизация на былинной

¹ Еще в 1940 году собирательницей Э. Г. Бородиной-Могозовой были записаны сказания об Александре Невском, Дмитрии Донском и Суворове. Уже тогда сказительница пропела свои сказания как былины.

основе. Мы находим в них традиционные былинные и сказочные положения и образы. В „Сказании об Александре Невском и Ледовом побоище“ — картина богатырского пира, который дает дружине новгородский князь перед битвой. В „Сказании о Дмитрии Донском и Куликовом поле“ — прощание витязя с женой перед боем.

Но отступления от истории, анахронизмы Крюковой глубоко народны, они историчны в своей поэтической сущности, отражают суд и мнение народа.

Ее характеристики исторических лиц и событий близки к исторической действительности и народному преданию. Александр Невский предстает перед нами мужественным, добрым и мудрым. Он отзывчив к нужде народной, ссорится с притесняющими народ „боярами кособрюхими“, исполнен достоинства и твердой решимости, личной доблести и неустрашимости. Внешний облик его привлекателен и зовет к себе сердца:

Он собою росту был не малого,
Лицо белое, как порошка снежку белого,
Глаз-очи-то будто ясна сокола перелетного,
Брови черна соболя вот с Буян-острова.
...А и силой был он в Илью Муромца,
Он ведь храбростью был да в Александра
Македонского,
Беготством же был во Добрынюшку
во Никитича.

Напуском смел во Алшеньку во Поповича,
Он мудростью был во Соломана царя во
премудрого.¹

Поэтическое „Сказание о Димитрии Донском“
открывается описанием монгольского ига, в пол-

¹ Все цитаты по рукописному варианту рукописи.
В одном из первоначальных вариантов были строки:

Вся осаночка была да все богатырская,
Походочка была да очунь манежная.
А говорил же речь да со улыбочкой.
..Красота его была да все прекрасная,
Будто Иосифа да все Прекрасного...

Но потом от этой, как бы женственной характеристики
Крюкова перешла к более строгой и героической,
осторожно, как бы ощупью, примеривая детали: „А
вот брови не знам како—давай черны напишем“, и
появились „брови черна соболя пересийского“, заме-
ненные потом „черным соблем с Буян-острова“, как
бы в порядке выбора более строгих красок.

36052
Привлечение в сравнение героев древности и библии соответствует стилю русского средневекового книгописания. В одном из распространенных житий князя Александра Невского мы читаем: „Ростом он был выше других, голос его звучал, как труба в народе, лицо было, как лицо Иосифа Прекрасного, сила вполнину самсонова, премудростию он равнялся Соломону, а храбростию Веспасиану“. Характеристика Крюковой более народна. „Порошка снежку белого“ заменила Иосифа Прекрасного, а Самсона и Веспасиана — сравнение со славными русскими богатырями. Из всех героев древности она оставила лишь Александра Македонского, соименника нашего героя, издавна вошедшего в русское культурное сознание, и Соломона Премудрого.

ном соответствии с народными старинными песнями и живой исторической действительностью. В русском народе никогда не умирала мысль об освобождении. В колыбельной песне мать пела:

Встань, пробудись, мое дитяtko,
Снимай со стены сабельки,
Ты секи-кроши губителей
Все мечами да булатными.

Эти чаяния и надежды — ожидание героя — даны в поэме Крюковой при описании рождения Дмитрия Донского. Вся природа возликовала: „Древа в садах расцветали, соловьи в садах пропевали“. Здесь и чисто народная деталь: когда дети боярские оказались неженками, князь идет к ребятам посадским, обещает набрать из них рать, чтобы повыручить отчизну из неволи.

Воспевая подвиги русских воинов, сказительница с большим тактом отделяет кичливого и трусливого деспота Мамай от татарского народа. Как вечный супротивник киевских богатырей, как змей Тугарин и Идолище поганое — Мамай сидит на коне, словно „навозная куча“, он кричит по-звериному, шипит по-змеиному. Он окружен цветистой роскошью, трусливо взирает на битву из-за полы золотого шатра и бесславно бежит с поля брани — „медведем в лесах скрывается“, опасаясь народной расправы. Его находит и забивает на смерть „бабье войско“ разъяренных жен и матерей татарских;

Кто ведь бил его да банным веником,
Кто колот его да вилами навозными,...

как бы подчеркивает сказительница позорную гибель деспота.

В пропевании о Минине и Пожарском известная историческая песня, записанная в свое время и от М. С. Крюковой (т. II, № 111) развернулась в поэтическую историю всего периода интервенции в начале XVII в. После бесславной гибели первого самозванца Марина, как и в песне:

Обернулась сорожкой белобокою,
Из косисчата окошечка повылетела.

Она не унимается, пристаёт ко второму Лжедмитрию, хотя новый бродяга нимало не похож на се первого мужа. Крюкова создает гротескный образ второго самозванца, который „хром, горбат да на перёд покляп“, любит самим собой „перед чистым зеркалом заморским“ с чашей зелена вина. С образной силой раскрывается коварство, лицемерие и самообладание снедаемой честолюбием иноземной интриганки.

Этот образ Маринки глубоко народен. Таким он намечен в старых исторических песнях и у Пушкина. В сказании Марфы Крюковой Марина снова пробирается в Кремль вместе со своим братом Владиславом. Это опять отступление от истории документальной, но в нем глубокая

поэтическая правда. После изгнания поляков Марина снова обернулась сорокой. Но это уже страшная птица с огненными очами, с железными острыми когтями — извечная угроза родине. Маринка уже не заносчивая польская панночка, а олицетворение коварной иноземной силы, посягающей на Россию. И конец ее — конец всех захватчиков.

Пропевания Крюковой, выдержанные в былинной манере, вобрали в себя много элементов и из других видов фольклора, прежде всего песен. Солдатские и рекрутские песни и предания дали яркую основу пропеваний Крюковой о Суворове и Кутузове.

Старинное пропевание „Енерал Суворов богу молится“ развертывается в рассказ отпущенного на побывку суворовского солдата новобранцам. Солдат идет на Мезень. Это отголосок бытующей на Севере прозаической легенды „Суворов и мезенский солдат“ — как Суворов неожиданно в „пасочную ночь“ приехал на Мезень навестить старого друга солдата в простом платье, на ямщицких лошадях. К Суворову теперь приурочен и сюжет о споре на пиру у султана о достоинстве и отваге русского воина (ранее — Былины М. С. Крюковой, т. II, № 129 „Турецкая война“).

Сказание о Суворове отражает любовь и преданность суворовских чудо-богатырей родине

и своему полководцу. Облик Суворова навсегда врезался в памятьливую душу русского солдата, оценившего скромность, простоту и мужество великого полководца, его находчивость, меткое слово, бодрую шутку, выносливость, неутомимость, доброту, готовность разделить все невзгоды-тяготы жестоких боев и утомительных походов. Из устных рассказов старых суворовцев и лубочных книг предания о Суворове проникали в северную деревню. Одно из них—о капрале, не узнавшем генерала в заморенном старичке, вошло в сказание Крюковой.

Как любимый ученик Суворова, надежда русского народа в трудную Годину, предстает перед нами Михаил Кутузов. Крюкова рисует облик старика, как бы ее сверстника, которому „на отдых пора“, да „на печи лежать“, но в грозный для родины час долг зовет его отдать свой опыт отечеству: „замениться, старику мне, некем-то!“ Замечательна сцена расставания русской армии с Москвой, когда русская армия прирастуживаясь, прощаясь с каждым домиком и каждым бревнышком. Именно так и пелось в песне, сложенной в эти тяжелые дни:

Ночь темна была и не месячна,
Рать скучна была и не радостна,
Вее солдатушки призадумались,
Призадумавшись, горько всплакнули.
Велико чудо совершилося:

У солдат градом слезы сыпались...
Не огцов родных оплакивали
И не жен молодых, и не детушек,
Как оплакивали родимую,
Мать родимую, мать кормилицу,
Златоглавую Москву милую.

Но, как замечает „Правда“ об этой песне, „Солдатская скорбь в дни военных неудач — это не слабость упавшего духа, это не отчаяние. Она источник новой, еще более могущественной силы: сопротивления и натиска“ („Правда“ от 8/IX 1942 г. „Голос русского солдата“). И сцена прощания с Москвой логически завершается изгнанием врагов из родной земли.

И эта часть сказания перекликается со словами сказительницы, обращенными к великому Сталину. После разгрома и изгнания лютого врага „змея семиглавого“:

Подарит тогда народу снова счастье
Дорогой премудрой Сталин-свет,
Он содвинет жизнь народу лучшую,
Вот счастливую да пространную.

Александр Морозов.

3 июня 1944 г.
Нижняя Зимняя Золотица.

ВОСПРОГОВОРИТ ДА ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

А и вот восстал да Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Говорил-то он да таковы слова:
„А во прежно время во досельнее,
Оберегал я родну земелюшку,
Родну земелюшку русскую.
Отгонял всегда, не пропускал врагов,
Не пропускал же их от заставушки,
Не пропускал их в каменну Москву.
Вы послушайте меня, друзья верные,
Друзья верные, красные богатыри,
Постоять-то вам надо правдой сущею
За родну страну, земелюшку Советскую.
Вы исполните мое же приказаньице,
Вы разбейте, разгромите врага лютого,
Как того ли змея страшного, проклятого.
Вы разбейте, разметайте силу вражеску,

Силу вражеску, приходящую.
Тяжело вам битву вести сейчас,
В бой итти да во кровавой-от.
Благодарю вас, красные богатыри,
От желанного да от сердечушка
Как за вашу за великую работушку.
Вы идете грудью на смертный бой,
Не щадите своего лица белого,
Защищаете родну свою земелюшку.
Выгнать нужно немца-то из городочиков,
Из последних вот повыгнать из деревенок,
Чтоб не остался во живых проклятой враг
Со всею силой со змеиною.
Расступись-ко-се, наша земелюшка,
Ты прими, прими силу вражеску,
Ты прими, прими да кровь змеиную!"

РАСТРЕЛОЖИЛАСЬ ДА ВСЯ ЗЕМЕЛЮШКА

А и накатилась на нашу на земелюшку
на родную,
На российскую земелюшку Советскую,
Накатилась, надошла туча грозная,
Со великими-то надошла со пригрозами.
А и ветры сильно, страшно расшумелися,
Моря северны все разревелися.
А и льды северные разгремелися.
А и южные моря растреложились,
Черно морюшко стоит в пригрозах-то,
Как Хвалынское стоит, призадумалось,
Как Азовское стоит—приужахнулось.
Красно солнышко на небе померкло-то,
Поднебесная луна стоит у нас в затмении,
Часть звездочки у нас не светло блещут,
А и время годово у нас замешкалось,
Вот замешкалось да запечалилось.

Все со старого до малого призадумались,
Тяжело у всех теперь на сердечушках,—
Почему у нас ведь красно солнышко
померкнуло?

Почему у нас луна поднебесная в затмении?
Почему не ярко светят красны звездочки?
Почему моря северны да южные приужахнулись?
Почему ветры буйные шумят-гремят?
Уж как южные моря да морям северным
Передают-то всё переговорыки,—
Выбегают-то ключи подземельные,
Чёрно морюшко-то с Океяном,
С Белым морюшком разговор ведут,
Про великие несчастья рассказывают:
Вот налег злодей, на нас войной пошел.
Собрал силу злодей да со многих земель,
Посулил им в подареньице
Много земелюшки славной русской,
С городами посулил да со деревнями,
Со морями посулил всё со южными,
Со лесами нашими всё со северными,
Со зверями нашими всё лесными,
А и рыбами разными всё морскими,
А и Гитлер—лютый змей да страшный зверь,
Как откроет пасть свою змеиную,
А из пасти его дым густой валит,

Дым густой валит, искры сыплются.
Кого хочет он всё огнем сожегать,
Кого хочет он да всё водой залить,
Кого хочет лиходеи змеиным дымом отравить,
Он ведь хочет унести да в свои норы-то,
В свои норы-то во змеиные
Всю земелюшку славнорусскую.
Не забрать ему земли Советскою,
Не забрать ему да в свои хоботы,
Отобьют ему да его хоботы,
Его хоботы змеиные проклятые.
Разорил злодей да славный Киев-град.
Славный Киев наши предки строили:
Как уделявал его Владимир князь
Со своими русскими богатырьми,—
На семи холмах да он построен всё,
Как у стен его течет широка Днепр-река,
Чудный мост был перекинут через Днепр-реку.
Уж как строили во Киеве теремочки,
Близ терема садочки зеленые,
Во кусточках пели соловеюшки...
В прежно времячко да досельное
Стоял Киев-град заставой богатырскою.
Не могли зайти злодеи в славной Киев-град,
Не могли забраться в каменну Москву.
Не пропускали их киевски богатыри,

Охраняли, оберегали родну земелюшку,
Они битвы-то держали всё немалые,
На поединочки-ти шли они на смертные.
А и билися—боролися богатыри со силою,
Со силою вражеской приходящею,
Стреляли в силу вражью стрелами калёными,
Кололи неприятелей на копье вострое,
Принимали ворогов на булатной нож.
Много-много у богатырей подвигов-то,
Не грешно богатырям отдохнуть же им,
Ретивы сердца хотят да успокоиться,
Кости старые на отдых хотят.
Как ведь наши-то богатыри старопрежние,—
Говорили уж про них, что померли,
Они померли да во гробах лежат,
Во гробах лежат да во могилушках,
Во могилушках да во глубоких-то,
Призасыпаны богатыри сырой землей,
Призавалены богатыри серым камешком,
Призакрыты их очи ясные,
Призамолкли их уста речистые,
Приусмякло лицо белое,
Родовой румянец не играют в лице.
Вот лежат наши богатыри старопрежние,
Во пещерах лежат они во киевских,
Не мертвы лежат, не мертвым сном же спят,

Они спят сном крепким богатырским-то,
Сквозь ведь сон они всё слышат-то,
Как над родной землей дуют ветры буйные,
Как шумят моря, да моря синие,
Как гремят-текут да речки быстрые,
Речки быстрые да каменистые.
Разбежался вихорь страшной-то
На нашу русскую родну земелюшку,
Пробегала, протекла да кровь невинная,
Кровь невинная да неповинная.
Как от той от крови от горячей-то
Пробежали, протекли да ручьи быстрые.
Вся ведь наша-то земелюшка святорусская,
Возрыдала она, слезно проплакала,
Как ведь мать родна о чадах своих.
Вся земелюшка славнорусская
Растреложилася вся, восстала-то,
А и вот тогда, тогда наши богатыри
Просыпаются да пробуждаются.
Приоткрыли-то свои да очи ясные,
Они вскочили-то да на резвы ноги,
Размахалися у них ручки белые,
Могучи плечи да шевелилися,
Лепета в лице переменялася,
Богатырские сердечушка растреложились.
Возговорил тогда да Илья Муромец:

„Уж вы храбрая дружина моя верная,
Вы ведь сильные, могучие мои богатыри.
Сейчас нужно вам, богатыри, да в бой итти,
Нам ведь нужно-то помочь всё родной земле,
Вот родной земле да всё внукам-то.
Дам я, старый дед, своей силушки
Молодым бойцам красным богатырям“.
Его слов, речей богатыри не ослышались,
А и скакали богатыри на резвы ноги.
Вот махнул Добрынюшка Никитич рукой правою,
Он встряхнул светлорусыми волосочками:
„А пойдем, пойдем, Алёшенька Попович свет,—
Приоденем мы платье цветное,
Платье цветное, латы богатырские,
На головушки наденем шлемы-то
Из булата всё из крепкого,
Во праву руку возьмем да саблю вострую,
Во леву руку возьмем да палицу тяжелую,
И возьмем же, не забудем копье вострое.
Выбирай себе добра коня, вот Буреюшка,
Поскорей сберу себе я Воронеюшка,
Илья Муромец вот сядет на Белеюшка“.
Брали богатыри уздечки золоченые,
С поводками брали со ременными,
Подходили богатыри ко конюшенкам стоялым-то,
Вот вскричали громким голосом,

Просвистели богатырским просвистом.
Услыхали просвист кони богатырские,
В един голос кони соржали.
Отворили богатыри двери у конюшенок,
Ихны кони возрадели-то,
Кажный конь обнял богатыря за шею белую,
А богатыри да возговорили:
„Уж вы здравствуйте, друзья-то наши верные,
Друзья верные да неизменные,
Послужите нам верой-правдою,
Нам ведь нужно всё во бой итти
За родную землю славнорусскую“.
Вот погладили коней да рукой правую,
Они начали коней да унаряживать,—
Надсвали им уздечки золоченые,
Вот накладывали двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатой накладывали не для красы-басы,
А тринадцатой накладывали ради крепости,
Вот накладывали седельшка черкальские,
Позолочены да красным золотом
Со драгими со каменьями,
Вот привязывали стремена булатные,
Брали в руки повода они шелковые.
Сели, сели богатыри на добрых коней,
Они ехали да во чисто поле.
Во первых-то ехал старшой сам, сказать,

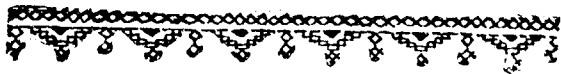
Старшой сам, сказать, да Илья Муромец,
На добром коне да на Белеюшке,
Круты горы-то высоки перескакивал,
Леса темные да перемахивал,
Все ведь реки-то, озера между ног пускал
С ним ведь ехала дружинюшка всё верная
С ним ведь ехал-то Добрынюпка

Никитич-млад

На борзом коне на Воронеюшке.
Он ведь был Добрынюшка догадливой,
Он по битвам был да всё настойчивой,
Был он у Ильи у Муромца в помощничках,
Называл его Илья Муромец рукою правую;
С ним ведь ехал Алёшенька Попович млад
На резвом коне на Буреюшке;
Он ведь был, Алёшенька, напуском смел,
Хошь в огонь его пошли, в огонь пойдет,
Хошь на дно морско пошли,
Шел он камешком да всё на донышко,
Его в бой пошли, не страшился он,
Не жалел Алёша своей младости,
Называл его Илья Муромец рукою левою.
С ними ехали любимые богатыри
Еще те ли брателка Петровичи-Сбродовичи
И все русские могучие богатыри!
Как от ихной-то поездочки богатырскою

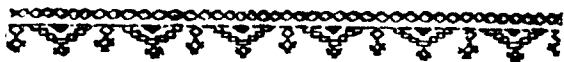

Мать сыра земля да сколыбалася,
Моря южные да растреложились,
Моря северны да взволновались.
А Черно море-то с Хвалынским,
со Азовским-то,
Морской волной они да разливались.
Едут русские сильны богатыри,
Вот помощнички да всё способнички,
Едут, едут вот да поспешают,
В знаменитую да Красну Армию.
Они с бойцами-то вместях во бой идут,
Страшной бой ведут, великое сраженьице.
Будут бить-громить врага лютого,
Врага лютого, злодея страшного.
Кто за отца пойдет, а кто за мать родну,
Кто за мать родну, за брата, сестрицу,
Кто за родну земелюшку да за любимую,
За земелюшку да за родну Советскую,
За полководца-то да за великого, ;
За премудрого да славна Сталина *
За Иосифа-то свет Виссарионовича.

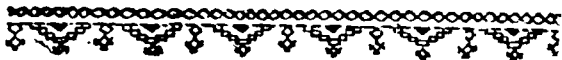

С КАЗАНИЕ
ОБ АЛЕКСАНДРЕ НЕВСКОМ
И ЛЕДОВОМ ПОБОИЩЕ

Много лет прошло да много времени
Был богатырь, жил во Нове-граде
Князь молодой Александр свет Ярославович.
Он собою росту был не малого,
Лицо белое, как порошка снежку белого,
Румянец в лице, будто маков цвет,
Будто маков цвет родовой играл,
Глаза-очи-то ясна сокола перелётного,
Брови у него черна соболя вот
с Буян-острова,
Волоса его светлорусые,
Вся осаночка богатырская,
Поговорочка всё геройская,
А походочка очень статная,
Со улыбкою речь ведь громкая.
А и силой был в Илью Муромца,
Он—храбростью в Александра Македонского,

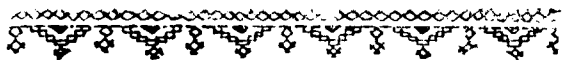
Он—беготством во Добрынюшку во Никитича,
Вот напуском смел в Алёшеньку Поповича,
Еще мудростью в Соломана премудрого.
Избирал себе дружинушку хоробрую,
Самых сильных-то, могучих он богатырей,
Выдавал им лагы богатырские,
Выдавал им сабли острые,
Выдавал им копыта булатные,
Выдавал им палицы тяжелые,
Выдавал им луки всё тугие-то,
А тетивочки у них шелковые,
Выдавал им стрелочки калёные,—
Строганы-то стрелочки в Нове-граде,
А и перны перьями сиза орла,
Выдавал им коней ратных, сбрую ратную,
Выдавал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцато выдавал не для басы-красы,
Выдавал им да ради крепости,
Выдавал уздечки золоченые,
Выдавал седлышка черкальские,
Выдавал им стремяна серебряны,—
Снарядил свою дружину новгородскую;
А и во ту пору да во то времячко
Подошли под землю новгородскую
Лиходеи-шведы-то губители,
Вот хотели повредить ведь Нов же град,

Забрать себе во владение.

Князья русские во дружбе не жили,
Меж собой в согласии не находились,
Постоять-то некому да за родну землюшку.
Один свет—один князь Александр
Ярославович,—

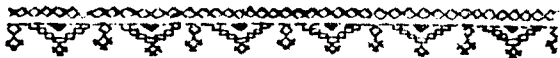
Не стерпело у его сердечушко богатырское
Он вскочил да на резвы ноги,
Правой ноженькой да притопнул о пол:
„То не честь нам будет богатырская,
Не похвальба нам будет молодецкая,
Аль сдадим мы славной Нов же град?“
Не злата труба вострубила-то,
Вострубил в трубу сам великий князь;
Вострубил в трубу когда в первой раз,—
Его верная дружинушка сбиралась,
Вострубил когда в другой раз,
Его верная дружинушка одевалась,
Придела она латы всё булатные,
Вострубил князь во третьей након,
Скакали скоро они на добрых коней,
Вот поехали-то по Новгороду,—
Мать сыра земля потрясалась,
Волх-река морской волной разливалась,
Ильмень-озеро всколыбалось.
Вот подъехали ко терему княженецкому—

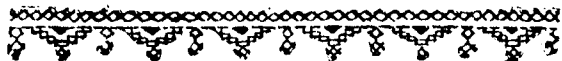
Не ясён сокол из терема вылетывал—
Новгородской князь Александр Ярославович
Выезжал-то на добром кони.

„Уж вы здравствуйте, дружинушка любимая,
Добро жаловать да на широкий двор,
Во мои зайдите светлы горницы,
Во столовы во мои светлы светлицы,
Хлеба-соли у меня отведати,
Как стерлюжины-белюжины покушати,
Да запить-то медами сладкими“.

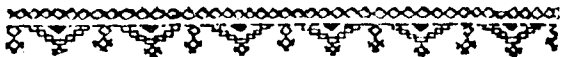
Тут его дружинушка не ослушалась,
Все заехали ко князю на широкой двор,
Привязали коней богатырских-то
Ко дубовым ко столбам, к золотым кольцам.
Как насыпали слуги княженецкие
Им пшеницы-то да белояровой,
Им налили пить воды медовою.
Вот повел князь свою дружинушку
Во gridsны свои во столовые,
Он садил их за столички окольные,
На скамеечки садил рыта бархата.
Тут забегали стольники-прислужники:
Тут чего да было не наношено,
Тут чего да было не наставлено—
А и кушали все кушанья сахарные,
Еще белую лебёдушку все рушали,

А и пил народ зелено вино,
Зелено вино да пиво пьяное,
Наливали чарочки не малые,
Эти чарочки-то были полтора ведра.
Александр же свет Ярославович
Угощал гостей, низко кланялся:
„Уж вы кушайте, дорогие гости-то,
Во-первых моя дружинушка хоробрая,
Во-других вы кушайте, да весь народ родной,
Весь народ родной, новгородской-от!“
Время шло да всё ко вечеру,
Красно солнышко да ко закату шло,
А и пир, весёлой-стол да под конец пошел.
Разошлись все — народ новгородской-от;
А и князь с дружиной своей со любимую,
Не досуг им отдохнуть-поспать,
Собирал-то князь силу ратную,
Становил-то силу всё полками в ряд.
Тут не ясные соколики полетели-то,
Полетели из Нова да славна.города.
Тут ведь ехал князь новгородской-от,
Во руках держал саблю вострую,
А у стремени висела палица булатная.
Подошел же князь, с врагами свиделся,
Повстречался с ними на Неве-реке,
Зачал с ними скорой бой держать.

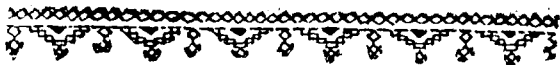
А и встретил он гостей саблей вострою,
Угостил гостей копьём богатырским-то,
Угостил гостей палицей булатною,
Сам нашел себе князь супротивника,
Самого старшего у шведов рыцаря.
Он подъехал к рыцарю на Буреюшке,—
А и доброй конь был троелеточка,
А и грива кониная до самой земли.
Как взревел Буреюшко по-туриному,
Сам ведь бросился Буреюшко, как лютой зверь.
Швед закован был во латы, как в ларец стальной,
На коне своем не мог повернуться.
А не тугой-то лук да не разрывчатой
Со тетивочкой да шелку пересийского,
А не стрелочки калёные со отметочкой,
А не палица свинцовая в девяносто пул,
А не сабля вострая, ножи булатные,—
Ничего-то князю не пригодилось.
Взял он в руки копьё мурзамецкое,
Плечи богатырские его сшевелились,
В бровь ударил князь шведа рыцаря,
Наложил печать кровавую на чело его,
И свалился швед-от рыцарь на землю
С той кровавою печатью, со отметиной.
От того удара князя Александра-то
Мать сыра земля да потрясалася,

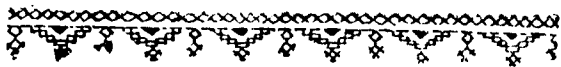
Моря синие да сколыбались,
Леса темные да пошатались,
Туры и олени по горам пошли,
А лисицы-то, куницы в частой ельничек,
А медведи, волки-то в березничек.
Потекла из раны кровь горячая,
Ослабел злодей, не замог же встать.
Говорила все старинная пословица:
„Уж как русские богатыри однажды бьют,
Вот однажды бьют, всё со сметкою“.
Злому врагу по делам и смерть пришла.
Побежали шведы на убег тогда
Как на черных-то они на кораблях,
Нагрузили три корабля телами мертвыми,
Им победа князева ко стыду пришла,
Ко великому бесчестью показалася.
Они бежали, шведы, заклиналися:
„Не дай бог бывать да на святой Руси,
Не дай бог видать русских нам богатырей!“

* * *

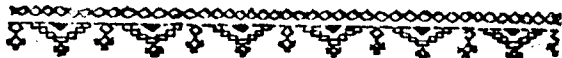
А когда вернулся наш великий князь
Во Новгород родной-то свой,
Его встретил-то народ со радостью,
С колокольным звоном, с ликованием.
Да не возлюбили-то его бояре кособрюхие,
Обижали чужекровники народа простого.

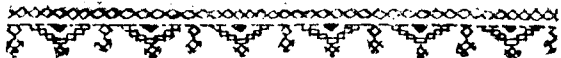
Не замог князь перенести такой насмешечки,
Не покорился он боярам-чужекровникам,
Разлучился он с родным Новым-градом-то,
Переселился он в Переслав-от-град,
В нем княжил он мудро, отдыхал же князь,
А орлиным взором всё вперед глядел.
Тут Александр Невской князь сказал:
„Сколько перелётна птица отдыхат сидит,
Столько немцы-то во правде выстоят,—
Вечеру они друзьями кажутся,
По утру они на нас войной пойдут“.
Как сказал он, так и сбылося:
Пошли злые немцы-псы под Псков же град,
Они думали, злодеи, всё же мыслили:
„А пойдем, зайдем во Псков же град,
А пойдем, возьмем мы Нов же град.
Села, деревенки да все повыжгем-то,
Заморим народ русской смертью гладною,
Собор Софьевский на дым спустим,
А святы иконы на мосты смостим“.
Запечалился народ да во Нове-граде;
Вот пошли в Переслав ко князю Александру
Невскому,
Пришли с низким поклоном, с челобитьцем:
„Не попомни зла, вот прости же нам,
Послужи нам, князь, верой-правдою,

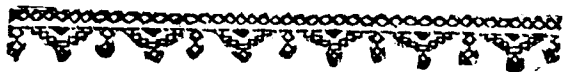
Ты постой, князь, за родну земелюшку.
А ведь Псков-то отдан изменником-переветником
Как посадником всё Твердилою.
Претерпел несчастья во Пскове-то народ,
Из веков в века не бывало так:
Их огнем-то жгли, на кострах палили-то,
Их мечом кололи, топором рубили-то,
А состроили-то немцы реи висучие,
А на этих ряях на висучих-то
Псковичан-крестьян задерживали,
Кровь младенческу невинну проливали-то.
А и старых стариков со старухами
Их морили смертью гладною,
Не давали им попить ключевой воды.
Красных девушек злодеи позорили.
Каково смотреть отцу с матушкой?
Заступись за нас, князь, возьми в защитушку,
Разгроми, разбей врага лютого.
Ты одна у нас оборонушка,
Ты одно у нас на небе красно солнышко,
Ты одна у нас луна поднебесная,
Ты одна у нас заря утрённая,
Ты одна у нас скатна жемчужинка,
Ты один у нас оберегатель всё,
На тебя у нас да вся надеюшка".
Всею душой любил князь свою родину,

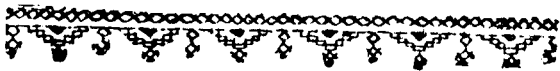
С Новым-градом он не перечился.
Он созвал со всей Руси силу храбрую:
Шел ведь с ним Васильюшко Буслаевич,
Шел ведь Костя Новоторженин,
Шли в дружинушку ребяташка посадские,
Шли и черные к нему же пахари.
Как не вёшная вода тут разливалась,
Богатырские сердца растреложились,
Как пошла сила княженецкая,
Впереди полков всё сокол летел,
Позади полков куны бежали-то.
Как пошла сила к Чудску озеру
По утренней заре, по восходу солнца красного.
Засверкали сабли вострые, ножи булатные,
Забренчала сбруя ратная.
Как поехал князь Александр Ярославович
А и впереди дружинушки своей хороброю;
А кольчуга-то на нём красна золота,
На буйной головушке шелом, как жар, горит,
В руках белых копие, как свеча горит,
Приноясана к бедру сабля вострая,
А и панцырь-то на нём чиста серебра,
Конь как лютой зверь да бур-космат.
Возговорил князь ко силе русскою:
„Уж вы, гой еси, ратники верные,
Вы постойте за земелюшку святорусскую,

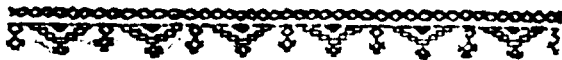
Послужите мне, князю, верой-правдою.
Вы отвязывайте поскорей тугие луки-то,
Вы налаживайте стрелочки калёные,
Уж вы бейте-громите супостатов-то,
Вы топчите их конями богатырскими,
Не оставляйте силы вражеской на семена.
Не кладите на меня, на князя, судьбы-жалобы.
Разбить надо силу нам немецкую,
Чтобы не разрушивали посадов торговых-то,
Не заходили в города, в деревенки,
Не спускали бы на дым церквей божьих-то,
Не разоряли бы народа русского!“
Подошла же сила зла немецкая
Ко Чудову славну озеру, ко Вороньему камню.
Шли злодеи-псы похвалялися:
„Мы зайдем в земелюшку русскую,
Победим да сядем на управу-то.
А как князя Александра Ярославовича
Мы возьмем его за кудри русые,
А затащим путами шелковыми,
А задернем арканами железными
И дадим ему работушку—стада пасти“.
Немцы в латах шли булатных-то,
А кони-то у них в железо кованы,
Как свирепые-то вепри страшные,
Впереди стальной-то клин—всё рыцари,

С головы до ног броней покрытые;
Охраняли во серёдышах силу пешую.
Зачалася сеча страшная — кровавое сражение,
Полетели стрелы, как ведь частый дождичек,
Затрещали щиты да зазвенели-то,
Загремели копья, как весенний гром:
То немецкие ведь копья о русские ломались.
Как скакали друг на друга кони ратные,
И храпели кони, ржали очень громко-то,
Загрызали на смерть друг ведь друга-та.
Как от того от пару лошадиного
Не змогла дышать да сила ратная.
Не по осени боролися по грязною,
Не по зиме же бились по морозною,
Битва шла-то по весне по красною,
Лёд-от вёшной всё на Чудском озере
Пропитался кровью он горячею.
Силе вражеской числа да счету нет,
Ясну соколу не облететь никак,
На коне её да не объехать.
Как пошла-то на неё сила русская,
Разошелся тут Васильюшко Буслаевич,
Размахнулся он направо палицей тяжелою,
Сила вражеска валилась она улицей,
А налево он махнул — переулками.
Как возьмет которого за руку,

Из плеча тому ведь руку выдернет,
Как которого захватит за ногу,
У того рыцаря ногу выломат.
А которого захватит поперёк спины,
А и бросит тут о сыру землю,—
Тут собаке злой и смерть пришла.
Не остался позади Василья-та Буслаева
Его верный друг—голь кабацкая,
Еще по имени Костя Новоторженин.
Он выдергивал из земелюшки сырой дуб,
Как сырой дуб всё со коренем,
Он зашел-то в гущину псов-рыцарей,
Он лупил дубинушкой немецев-то,
На четыре всё стороночки сила вражеска
Вот снопами падала нажатыми.
Вот боролись русские же витязи,
Вот боролась силушка посадская,
Вот боролись черны пахари из деревенек.
Пробежала тут да кровь горячая,
Протекла по Чудову славну озеру,
Ко тому ли всё к Вороньему ко камению,—
Лёд-от вёшной на озёрышке прироздвинулся,
Поглотил стальных он псов всё рыцарей,
Затянуло их под лёд с конями ратными,
Захлебнулись они в ледяной воде.
Мать сыра земля да потрясалася,

По поднебесью все птицы разлетались,
Рыба речна да во станы ушла,
А морска-та рыба вся в морску глубину.
Разгромил, разбил князь новгородской-от
А и немцев-то да змеев всё лукавых он,
Разгромил же их, разметал же всех,
Секли-рубили их да как полынь-траву,
Рассчитался князь ведь Невской-от,
Угостил врагов как ведь следует:
Которы стоя-то стояли, те ведь сижа сидят,
Которы сидя-то сидели, те ведь лежа лежат.
И сказал же Александр князь Новгородской-от,
Полководец наш да славной Невской-то:
„Кто придет-то к нам с мечом своим,
От меча от нашего да всё погинет-то,
На том стоит, стоит да всегда будет-то,
Всегда будет-то стоять да земля русская“.

С КАЗАНИЕ

О ДИМИТРИИ ДОНСКОМ И КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

В прежно время да во досельное
Платила земля русская дани-подати,
Вот платили-то татарам красным золотом,
Вот платили-то татарам чистым серебром.
У кого не было злата-серебра,
Уводили татарове добра коня,
У кого нет добра коня,
Забирали у того малых детушек,
У кого дитя нет рожоного,
Отбирали у того да молоду жену,
У кого жены нет, самого в полон вели.
Убегал народ во темны леса,
Во темны леса, во сыры боры.
Города, посадки все, деревенки
Огнем-пламенем татарове спалили-то.
Все древа в лесах пошатались,
В зеленых садах цветы повянули.

А и сумел вскормить его родитель-батюшка,
Возростила его родима матушка,—
Стал Димитрий князь вот семи же лет,
Стал ходить играть всё на улочку.
Сам Димитрий был старшой-то,
Он ребят расставит всех рядами,
Всем наделат он туги луки,
Калены стрелы да палицы тяжелые,
Раздаст копыица им вострые,
Даст ножи им всё булатныс,
Сам наделает из лесиночки!
Учит, как стрелять из лука-то,
Учит их, как на меч колоть,
Как примать врага на булатной нож.
А боярски дети были очень нежные,
Они боялися всего, страшилися,
Он оставил тогда их без внимания,
Подходил он к детям ко посадским-то,
А посадские дети не боялися,
Хорошо стреляли стрелами калёными,
Хорошо махали копьем вострым-то,
Хорошо владели палицей тяжелою,
Хорошо ходили-то на рукопашной бой.
„Гой еси, ребята вы посадские,
Вот когда я, князь, да повыросту,
Я возьму вас, ребята, во дружинушку,

Во дружинушку во хоробую,
Мы повыручим отчизну из неволюшки".
А неделя за неделей как ручьи бежат,
А месяц за месяцем как река течет,
А год за годом как трава растет, —
Стал Димитрий князь на возрасте.
Русь под князем сил набиралася.
Вот задумал князь всё построи
Стены каменны кремлевские,
Чтобы злым врагам не зайти никак,
На добрых конях не заехати.
Во ту пору да во то времячко
Хан Мамай сидел в Золотой Орде,
Он выдумывал всё, умысливал,
Как напасть ему на святую Русь,
Как про князя-то, про Димитрия
Дошла славушка до Мамаю-то,
Эта весточка Мамаю не приутешила.
Тут не лютое-то зелье разгорелось,
Не замог хан Мамай усидети тут
На своем на стуле золоченом-то.
„Думал я, хан Мамай, да мыслил-то,
Что ведь нет мне на Руси супротивника,
А теперь узнал, вот услышал я,
Что ведь есть на Руси супротивник-то“.—
Собирал хан Мамай свою силушку

И послал войной на святую Русь.
Пришла скоро весточка нерадостна,
Во Москву пришла белокаменну.
Князь Димитрий-свет Иванович,
Он собрал дружинушку хоробрую,
И пошел князь навстречу разорителям.
Вот сошлись они, повстречались,
У рски-Оки они свиделись.
Не сыры боры тут разгорались,
Богатырские сердца распаялись,
Они мечами острыми татар кололи-то,
И топтали конями силу мамаеву,
Как стреляли из тугих луков всё стрелами,
Вот стрелами всё калёными,
Уж как били татар дубинами всё дубовыми,
И кололи татар всё рогатинами.
„Пускай знает Мамай, он безбожник-то,
Земля русская не без защитушки,
А не век татарам своеволить на Руси“.
Услыхал Мамай, что силушка его несметная,
Его силушка вся прибитая.
Он собрал, злодей, силу новую,
Не приказывал татарам засевать поля,
Он сказал злодей: „Нам не к надобью,
Для нас пашни засеяны всё русские,
Хлебы сняты, в скирды складены.

Мы зайдем на Русь на готовый хлеб,
Будем сыты, пьяны, приодетые,
Стану я на Москве управителем“.
Тут не тёмна туча накаталася,
Ветры буйные зашумели-то,
Убегали звери лесные за круты горы,
Солнце красное на небе померкло-то,
Звезды частые вот не светили,
Это хан Мамай всё войной пошел,
Он войной пошел на святую Русь.
Как узнал князь Димитрий свет,
Что идет злодей на него войной,
Собирал со всей Руси силу ратную,
Созывал из городов людей посадских-то,
Брал в свою он рать черных пахарей.
А не ясны соколы тут перелётывали,
Во Москву во хвальную они залетывали,—
Это русские ведь были сильны воины,
Собралися все на Красной площади,
У стены высокой каменной кремлевскою,
У угольных башен у кремлевских-то.
А встречал гостей — силу ратную .
Князь Московской сам на добром кони,
Воспроговорил он к ним таковы слова:
„А не лучше ли, дружинушка хоробрая,
Нам сложить на поле бранном-то

Как свои-то буйны головы,
Да не допустить поганого Мамаея-то
В города, посады и деревенки,
Чтоб не брали жен да малых детушек
Во полон к себе татарове.
Постоим за родную земелюшку,
Разобьем врага мы лютого“.
Возговорила тут рать московская,
Словно вихрь пронесся над рядами-то:
„Ты веди нас, князь, да во сражение,
За святую Русь, за Москву-то град.
Не боимся мы страсти-ужасти,
Не страшимся мы смерти скорою,
Как положим свои буйны головы
За земелюшку святорусскую!“
Зазвенела тут рать мечами-то,
Застучала тут рать щитами-то,
Загремела тут рать копьями-то,
Словно гром прошел по поднебесью.

* * *

Во ту пору да во то времячко
Вот княгиня Евдокия-то Димитревна
Увидала во косисчато окошечко,
Во слюдяное во стеколышко,—
Князь идет, идет шагом скорым-то,
К своему-то он идет ко терему.

Вот зашел князь Димитрий, поздоровался,
Князь присел на скамеечку дубовую—
Она покрыта рытым бархатом.
А у князя-то во горнице
Горели, светили лампы-то
Со свечами-то воску ярого.
А и прирасплакалась его княгинюшка,
Прирастужилась всё московская,—
Но всему ведь можно догадаться,
Не сидеть пришел князь, не беседничать.
Как вставал князь на резвы ноги,
Помолился князь Димитрий богу-господу,
Вот начал князь тогда прощатися
Со любой семьей, с молодой женой:
„Ты прощай, прощай, княгинюшка любимая,
Евдокия дочь Димитревна,
Ты прощай, прощай, млад княжевич-от,
Пусть хранит вас бог да всё ведь милует.
Коли жив я буду, назад ворочусь.
Коли мне на роду так прописано—
Положу за Русь буйну голову!“
Распростился князь со родной Москвой,
По богатырскому вскочил на добра коня,
Поскакал, поехал в путь-дорожечку.
Не заря утренна засветила,
У московских ратников кольчуги засверкали-то,

Они блестили будто красно солнышко,
Затрубили трубы ратные;
То знамена ведь русские московские,
На берегу-то Дона знамена стоят!
Вот спустился полки ко быстрой реке,
Становил их полками всё Димитрий-князь.
Приказал Димитрий-свет Иванович
Приказал мостить мосты калиновые,
Велел силушке своей перейти Дон-реку.
Его сила верна не ослушалась,
Навела мосты через Дон-реку.
Перешла-то Дон-реку сила князева.
Как но утру было, утру раннему
До восхода солнца красного
Туман утренний — чемра — стоял над полем
Куликовым,
Вышла русская рать на подюшко.
А не две-то тучи грозны накатались,
А не две горы высоких тут сходились,
А со западную со стороночки
Как орлы летели златокрылые,
А за ними ясных соколов числа-счета нет.
Это ехал князь московской-от
Со своею силой ратною.
А черны вороны с воронятами
Со восточную летали со стороночки—

Это злой Мамай—идолишше поганое —
На коне сидел как чудо чудное,
Как большая куча навозная.
Закричал злодей Мамай по-звериному,
Зашипел злодей Мамай по-змеиному,
Он хотел забрать всю святую Русь.
Не хотелось ратной силе-то,
Чтобы в первых-то рядах шёл Димитрий-князь;
Поклонился князь Димитрий своим ратникам:
„Мне не честь будет княженецкая,
Не похвальба будет богатырская,
Если старшой сам да буду утуляться,
За ратников своих хорошиться.
Коли я глава силе русскою
Впереди вас всех ехать должен-то!“
А Мамай-от хан поганой-то
Велел делать переброды у реки же он,
Переводил силу свою татарскую,
Он поставил шатер на крутых холмах,
Рытым бархатом его изукрасил-то,
Самоцветным камнем унаряживал.
У того шатра у Мамаева
Пятьсот было у шатра охранителей,
Боле тысячи оберегателей,
Он, Мамай, сидел в одежде парчовую
Со драгими да со камнями,

Золотым то поясом опоясался-то,
На ногах расшиты сапоги сафьяновые.
Он сидел на пуховых на подушках-то,
Золотыми перстнями набрякивал.
Он ведь ел, хан, кушанья сахарные,
Он ведь рушил, злодей, белу лебедушку,
А и пил-то хан мёды сладкие.
Он сидел, злодей, похвалялся хан:
„Разобью, прибью силу русскую,
Силу русскую всю мечом сколю,
Черных пахарей заберу я всех,
Они будут век на нас работати,
Буду их кормить иропадужиной,
Им давать буду пить воды стоялые“.
Рано хвастал злодей, подавился-то.
Затрубила труба во русской рати-то,
Затрубила другая в силе татарскую,
Из татарских рядов выехал богатырь-от,
Конь под ним вертелся, будто лютой зверь.
Закричал злодей громким голосом,
Будто черной ворон каркал-то:
„подавай-ко, Русь, поединщика!
Если есть поединщик, выезжай на бой,
Если нет богатыря, начинаю сам!“
Распростился Пересвет со князем Дмитрием,
Поклонился всем русским ратникам,

Поворачивал он наскоро добра коня,
Закричал-то он по-богатырскому:
„Я готов с тобой, враг, поборотися,
Постоять за Русь за родную всё“.
Не две грозных тучи тут подымались,
Одна туча накаталась со знамёнами,
Со знамёнами шла со небесными.
Друга туча накаталась очень тёмная,
Со грозами накаталась, со ветрами-то,
Туча первая со знаменами—
Это русский богатырь из обители;
Туча тёмная со пригрозами—
Злой татарин мамаев племянничек.
Они съехались — пресильно ударились,
Копья вострые у них приломались,
А и падали богатыри на мать сыру землю.
А упали-то богатыри, не вставали-то.
Тут немного князь Димитрий разговаривал,
Он скакал да на добра коня,
Прискакал, подъехал ко богатырю.
Увидал-то князь, что он мертвой всё,
Тут заплакал князь, поцеловал в уста умершие:
„Мир ярагу твоему, богатырь русской наш,
Заслужил ты вечно споминаньице“.
А и хан Мамай стоял смотрел, всё выглядывал,
Он стоял, злодей, улыбался-то,

Думал так злодей—Русь в руках его.
А и как убили всё мамаева племянника,—
Ужаснулся хан Мамай да убоялся-то,
В золотой шатёр да утулялся-то.
А Димитрий-князь да свет Иванович,
Полетел он в битву ясным соколом,—
Началась тут битва, страшное побоище.
Как от пару от лошадиного
Солнце красное в затмении стояло-то,
Поднебесная луна покрылась тучею,
Части звездочки вот не светили,
Ветры буйные не продували-то.
Тут ведь саблями рубили, на меч кололи-то,
На меч кололи-то, ножами резали,
Из тугих луков стреляли стрелами калёными.
На Куликовом на поле на великом-то
Билась силушка до поздней ноченьки.
Много было тут убито, легло силушки,
Протекли, пробежали ручьи быстрые,
Из ручьев протекала кровь во Дон-реку.
А во русском во стане во димитриевом
Будто тихо бела лебедь кикала,
А в татарском стане мамаевом
Будто ревела волчица голодная,
А по утру было, утру раннему,
До восхода солнца красного,

Русска силушка надвинулась, во бой пошла.
Впереди-то ехал князь Димитрий сам,—
Это рать была святорусская,—
Шли со красными щитами, со доспехами,
Вот на солнце-то горели будто красно золото,
Так ведь светили мечи булатные.
А как сила шла поганая, неверная,
У них щиты-доспехи красна золота,—
А неправдою было у Мамай всё получено,
Потемнело красно золото
Как черней железа-то булатного.
Возговорил-то Димитрий сын Иванович:
„Уж вы, гой еси, дружина моя верная,
Пришло время нам испити чаши смертные“.
Тут не золота труба вострубила-то,
Возговорили тогда русски ратники:
„Мы положим свои буйны головы
За твое, князь, дело справедливое,
За народ свой за русской-то,
Чтобы наши отцы-матери не настрадалися,
Молоды жены не сиротали-то,
Малы дети были за защитушкой,
Отольем нашу кровь, прольем вражеску“.
Со холма спускалась сила всё татарская,
Собирал Мамай ту силу со многих земель,
Собирал он силу ровно три года,

Ровно три года да три месяца,
Как с тремя он собирал со днями-то:
Сорок шло за ним царей, сорок царевичей,
Сорок неверных королей, сорок королевичей,
Сорок шло князей, сорок княжевичей,
А простой-то силы — числа-счету пет.
На конях шла сила несметная,
Кусали удила кони быстрые,
Пена капала прямо на землю,
Вся земля кипела под копытами конскими;
От того от хлану лошадиного
Птицы со поднебесья упали мертвыми;
Тут сошлись грудью силы ратные,
Засверкали-то мечи булатные,
Загремели сабли у татар кривые-то,
Словно молнии разили копыя вострые,
О щиты ломались копыя, как соломинки.
А вот билися, рубилися да всё с плеча,
А и мертвому-то телу упасть некуда.

* * *

А и стали одолевать татарове силу русскую.
А Димитрий-князь он догадлив был,
Во военных-то делах обычной был:
Загодя устроил он засадушку.
Наказал ей ждать ветра супротивного.
Схоронилася она во темных лесах,

За реченькой встала за быстрою,
За крутой стояла за горушечкой,
За ракиновыми за кусточками,
За малиновыми за листочками.
Стали ждть полки поры-времени
Как потянут к ним ветры буйные,
Как со речки быстрой каменистою,
Со татарской-то потянут со стороночки.
Они слышали — всё идет кровавой бой
Как на том на поле на Куликовом.
Не змогли они в стороне стоять,
Не терпели их сердечушка богатырские,
Им хотелось в битву, поскорее в бой.
Вот из-за тёмных-то из-за лесочков,
Из-за крутой горы высокою
Потянули ветры буйные всё стретные,
Из засадушки повышли полки свежие,
Как ударили они да во худых татар,
Побежали тут татарове без памяти.
А и верная дружинушка Димитрия,
Разгорелася она, рассвирепела-то,
А колола-то татар мечами, копьями,
На рогатины их подымали то,
Заходили-то на рукопашной бой.
Хан Мамай да не показывался,
В бархатны шатры свои утулялся-то,

Соболиными шубами приокутывался,
Чтоб не слышать стону-рѣву со битвы-то.
Час счастливой-от пробил победной,
Злы татарове испугались,
На убог татарове побежали-то.
А и сам Мамай разоритель-от,
Побежал он прочь, как медведь лесной,
Он оставил свой шатѣр рыта бархата.
Побежали тут татарове, заклиналися:
„Не дай бог, боле бывать на святой Руси,
Не дай бог, боле видать богатырей!
А и пошто ты, злодей, хан Мамай,
Пошто нас повел да на святую Русь?“
В каждом городе Мамай проклинали все;
Млады жены плакали — куда мужей увез?
Сестры плакали — где родны братьяца?
Млады дети плакали! — где отцы у нас?
А Мамай ведь шел по-звериному,
Будто медведь идѣт, в лесах скрывается.
А у девок, у женок очи зоркие.
Увидали женки — в кустах хоронится:
„Вот бежит, бежит лиходея Мамай,
Разоритель наш, погубитель наш!“
У кого-то кочерга, лопата-то,
У кого коромысло от ведра, сказать.
Тут пошли-то бабы на рукопашной бой,

На Мамая злодея принабросились,
Кто ведь бил его банным веником,
Кто хвостом хвостал волка серого,
Кто колол его вилами навозными.
Вот кинали во злодея-то камнями.[■]
Его загнало бабье войско во болота жидкие,
А и кинулись, набросились на Мамая-то,
А заколотили бабы его коромыслами,
А забили бабы его дубинами:
„По делам твоим, злодей, тебе и смерть
пришла!“

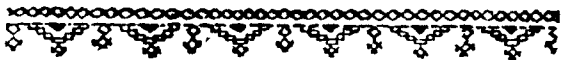
Увидали на поле на Куликовом,
Что ведь нет князя Димитрия Ивановича.
Стала сила-то ведь ездить разыскивать,
Нашли князя ранена в кусточиках ракитовых,
На нем панцырь весь изрубленной.
А и взяли князя потихошенько;
Увезли в шатры белополотняны,
А прошло-то времени не день, не два,
А прошло не мало поры времени,
Как от ран глубоких оздоровел князь.
Как подъехал князь Димитрий сын Иванович
Ко Московской стене кремлевскою.
Князь ведь ехал на добром коне,
Сила шла за ним славнорусская.
Народ вышел весь навстречу-то,

Поздравляя князя с победою.

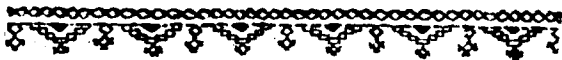
„Мы желам тебе, князь Дмитрий¹свет
Иванович,

Долги годы жить, вечно здравствовать.
Ты ходил на страшное побоище,
Ты повывел народ из неволюшки,
Ты повыручил народ из несчастьяца,
Ты от рабства нас избавил от татарского.
А и вечна¹слава-честь да не минуется,
Из веков в века да останется
Как ведь князю¹Дмитрию Донскому!“

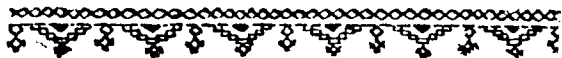

СКАЗАНИЕ
О ГРИШКЕ РОССТРИГЕ,
МАРИНКЕ НЕВЕРНОЙ И БОГАТЫРЯХ
МИНИНЕ И ПОЖАРСКОМ

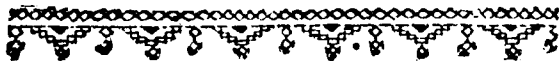
Не много, не мало прошло поры-времени,
Прошло триста у нас да с лишним лет,
Как по Польше бегал всё, бродяжничал
Росстрига Гришка Отрепьев-то.
Завял дружбу с панами он, ляхами,
Вот знакомство близкое, сердечное.
Меж собою ляхи-то переговорилися:
„Чрез Росстригу не хитро зайти в каменну
Москву,
Сами будем на Москве мы на управе“.
Был тот Гришка скоморох и дудошник,
Был тот Гришка игрец, баламутошник,
Он умел шуточки пошучивать,
Он умел, молодец, посвистывать.
Во ту пору да в кабаке сидел
У того у столичка окольного,
Пил Гришка зелено вино,

Зелено вино да пиво пьяное;
Раскручинился сидел, запечалился,
Во хмелюшечке да шапкой хлопнул он,
О скамеечку ударил о дубовую,—
Переломалася скамеечка дубовая,
Ногой правою топнул о сыру землю,—
Весь кабак-то всколыбался, пошатался,
Слюдяны окошечка да сбренчали,
Слюдяночки в окошечках повылетели,
Оловянные чаши зелена вина порасплескались;
Возговорил Гришка таковы слова:
„Уж вы, гоѣ еси, да люди добрые,
Уж вы думали-мечтали с кем сидели то?
Уж вы пили-пили зелено вино,
Уж вы думали-мечтали со бродягою,
Со бродягою, со голью со кабацкою.
А вот сейчас я вам открываюся,
Я ведь царской сын Димитрий-от Иванович.
Жил с царицей-матерью во Угличе.
Борис же царь прислал злодеев-ворогов,
А меня добры люди взяли во спасеньице,
Утаили, ухранили в закрываньице.
А взамен меня убили попова сына,
Не по што пролили кровь невинную.
Я ведь жив, в живых, иду сейчас
в Москву,

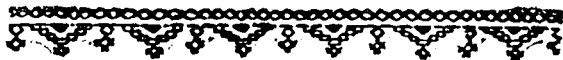
Я вот сяду на престол отца-батюшка
Ивана да свет Васильевича".
В кабаке народ все ужаснулись,
А и были те, что посмеялись,
А новы народ призадумались,
А которы перепались, на карачках вон ползли.
Вот собрал он войско себе немалое,
Впереди поляки едут на добрых конях.
Рассылал Росстрига грамоты прельстительны,
Посылал же он послов да скорых-то
Ко всему народу ко московскому.
Зашумела тут вся площадь Красная,
Загудел парод московской-то,
Зазвонили колокола кремлевские,
Растворили-то ворота войску Гришкину.
Тут из монастыря Белозерского,
Из дальней-то пустыни спасённою
Наехала инокиня—царица благоверная.
А её сын да нареченный
По сыновьему обычаю навстречу выехал,
Повстречался с ней, сходил с коня,
Он ведь пал ей да во резвы ноги,
Будто взял родительско благословение.
А и повели царицу во палаты.
Трои сутки-то царица во дворце у Гришки
прожила.

А когда царица-мать из Москвы уехала,
На прощанице народу возговорила:
„Уж ты, гой еси, народ да люди добрые,
Не прельщайтесь вы на гришкины обманы, —
Не царевич он да не Димитрий,
Он ведь Гришка-то Росстрига“.

Как задумал-то Росстрига вог жениться
У того ли короля у польского
На его на дочери любимую Маринке Юрьевне.
Посулил Росстрига королю же польскому
Дать земли русской половинушку.
Король польской-от прельстился

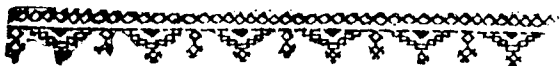
со радостью,
Он засватал за Росстригу дочь любимую.
Взрадели поляки, возвеселилися;
„Скоро будем мы во пированьицы
У царя московского Димитрия.
Царь ведь будет нас во всем слушати,
Народ русской будет нам работати,
Они вспашут нам да пашни хлебные,
Вот засеют-то поля и заборонят их.
А когда вот хлеб уродится,
Соберут-то хлеб, весь повымолотят,
Мы ведь будем есть, сколько надобно,
А народ русский кормить объедками“.

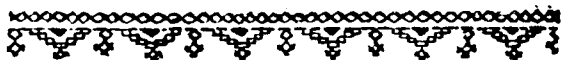
Как зашли поляки в белокаменну Москву,
Зачал Гришка исполнять все польски
приказаньица,

Он завел порядки-то нерусские,
Произвел порядки злы же польские.
На великой день да на Миколин-от
Добры люди-то да все московские,
Они мли-то, ехали ко раннею заутрене,
А ко поздым шли они долгим обеденкам,—
Во ту пору-то Росстрига в бане мылся,
В бане-то мылся он, жарко парился.
Во четверг у Росстриги свадьба шла,
Не в счастливой день во пятницу,
Еще вздумал сделать он венчаньице.
А во царском дворце у Росстриги-то
Во столах передних все ляхи понасажены,
А как русскому народу нигде места нет.
А как русской-от народ да во сторонке
был,

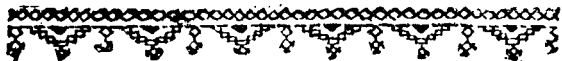
Во сторонке был, ни при чем сидел.
А полякам дана от Гришки воля вольная,
А поляки по Москве по граду похаживали,
Мехороши шуточки они пошучивали.
Не давали злодеи пройти, проехать
Вот ни пешому да ни конному.
А как едут по московским улицам боярыни,

Отбирали лошадей поляки-то,
Из саней женок-девушек выбрасывали,
В грязи уличной над ними надругались.
По Москве по граду все разгуливали,
По земле бренчали звонки сабли-то.
А и не замог народ московской-то
Переносить это страшно изгиленьце.
Вот по утру, утру ранному.
Как ударили в набег, в большой колокол,
Собрался народ да во единой круг:
Как на Красной площади народ скоплялся-то,
Подынулся он на ляхов на поганных-то.
Вот рубили панов топорами вострыми,
Вот кололи их железными всё вилами,
Вот как резали ножами всё булатными.
Тут не Вихорь Вихоревич да расшумелся-то,
Народ русской весь да разошелся-то.
Ещё ляхи-паны испугались,
В деревянны теремочки укрывались,
Как стреляли в народ русской из окошечек,
Из окошечек из косисчатых,
Рассвиренел народ русской-то,
Как зашли тогда да во Кремль-стену,
Они убили стражу польскую,
Ворвались в царской теремочек,
Прорубили двери топорами вострыми.

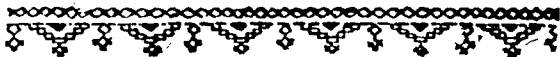
Удальцы-стрельцы ходили по полатушкам,
А Росстрига выскочил в окошечко,
Вывихнул себе ногу правую,
Не убит лежал, только раненой.
Набежал к нему народ с оружием,
С топорами шел, с рогатинами.
Гришка стал с народом говорить тогда,
Речь держать да выправлять себя:
„А ведь я же вам не лиходея же, враг,
Я ведь сам же царь родовой же есть“.
Отвечал народ Росстриге-то:
„Не признавам тебя царем московским.
Умел в пиру сидеть с поляками,
Сумей-ко помереть вместе с ними-то“.
Зарубили Росстригу саблей вострою,
Не оставили в живых Росстригу-то.
Поволокли его по широку двору,
По широку двору по кремлевскому,
Приволокли его на Красну площадь-то.
„Вот дивись-ко-се, народ, на обманника,
Лиходеями-панями подкуплена,
Их лукавыми речами облянченного“.
Вот положили все дудочки игромые
На его груди молодецкие.
Вот лежало тело-то Росстригино
Середь торга на Красной площади.

Вся Москва, столица белокаменная,
Все со старого до малого дивилися.
Прилетали, собрались черны вороны,
Повыклевали у его очи темные.
Как прошло три дня поры-времени,
Тогда предали Росстригу огню-пламени
А и пепел в пушку положили-то,
Выстрел сделали да во Москву-реку,
А и прах по ветру всё развеяли,
Чтоб злодейского-то духу нигде не было.
А жена его всё Маринка-та,
Она немного о Росстриге-то печаловалась,
Она немного о нем слезно плакала,
Она, волшебною наукой обученая,
Обернулася сорокой белобокою,
Из косисчата окошечка повылетела,
Тут из глаз народа скоро скрылася.

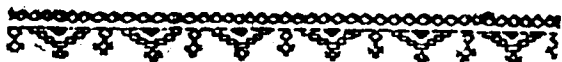
* * *

А и злы поляки не унимались,
Они задумали опять завладеть Москвой,
Они поставили другого самозванца-то,
Он без роду был, без племени.
Зашел в Польшу он, поляки его приняли,
В пожилых годах бродяга был,
На праву ногу он прихрамывал,

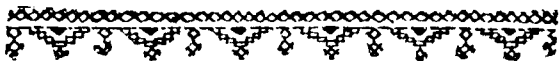

На леву ногу он припадывал,
Он ведь хром, горбат да на перёд покляп.
Сидел злодей в шатре рыта бархата
Перед столиком всё убранным-то,
Перед чистым зеркалом заморским-то.
Он сидел, сам себе дивовался,
Зеленым вином да упивался,
Красотою своею любовался,—
Изо всех страшней его нигде не было.
Он косматой был, как лесной медведь,
А и брови у него, как у филина,
Зубами он щелкал, будто серой волк.
Во ту пору-то да во то времячко
Услыхала Маринка будто муж живой,
В путь-дороженьку снарядилася,
Перелётною сорокой пролетела-то,
У шатра расселась раззолочена,
Развернулась, сделалась опять
красавицей,

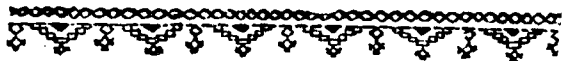
Вот пошла, зашла в шатер она,
По коврам зашла нересийским-то,
Она думала, Маринка, таку думушку,
Что свиданьицо будет радостно,
Обоймет мил ладу милую за белу шею,
Поцелует во уста сахарные,
Прижмет ко сердечушку желанному.

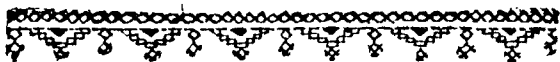
Вот зашла в шатер, взором ясным все
ведь созрела,
Увидала чудовище, ужаснулась,
У ней дрогнуло сердце женское,
Приусмякло лицо белое,
Чуть могла устоять на резвых ногах.
А и выходила скоро из дорога шатра
Со веселою Маринка со улыбочкой,
Возговорила тут Маринка дочь ведь
Юрьевна:
„Почему народ московской все говорили,
Пустые слухи распространяли-то,
Будто мой ведь муж да все убитой есть?
Не убит мой муж молодой, во живых живет,
Во шатре сидит, думу думает,
О народушке своем все печалится.
Оторвали от него лукавством царство
московское,
Он зайдет в Москву опять царем сидеть,
А я буду царицею московскою“.
Не утрашилася Маринка чудовища
страшного,
Не убоялась злодея превеликого,
Не по красоте шла да не по младости,
Только шла из-за трону царского.
А и думала Маринка таку думушку:

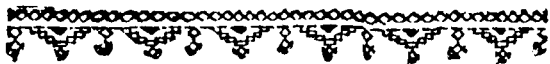
„Когда буду я жить царицею,
Погублю царя да я же старого,
Вот повиберу себе я младого
Из поляков самого красивого“.
Подошли-то ляхи ко Москве-граду,
Не могли они в Москву ворваться,
Привелось им пред Москвой остоятися,
А во Тушине селе всё разгуливати,
На златые маковки московские поглядывати;
Из веков старинная пословица водилася:
„Хошь и видит око да зуб неймёт“.
Вот узнал проведал король польской,
Что его-то польско рыцарство
Не дела ведут, не ко делам идут,
Не забрать Москвы ведь панам-то.
Тут собрал король силу-армию,
Он ведь сам в поход на Москву пошел.
Во ту пору-то да во то времячко
Злы бояре да все изменщики
Выбирали послов скорых-то,
Отправляли их к королю с челобитьем:
„Уж ты, гой еси, король польской-от,
Отпусти к нам сына любимого,
Пускай будет народ под рукой его“.
А и принял король бояр-дворян,
Угощал их разным кушаньем,

Зеленым вином да сладким медом-то;
Опустил с има король сына любимого,
Как встречали бояра королевича,
Вот встречали звоном колокольным-то,
Как петьем-читьем церковным-то,
Как пальбой-стрельбою пушечной,
Будто самого-то царя русского.
Растворили перед им ворота кремлевские,
Завели королевича в московский Кремль,
А за ним во след вошли поляки-ти,
А Маринку везли в возке укрытую.
Чудовище-то свое она побросила,
Веселились ляхи, радовались,
На конях своих красовались.
Над народом русским изгилялися,
На святых иконах ляхи сиживали,
В кости, карты они игравали.
Что глаза да очи ляхов созрят-то,
Забирали себе ляхи во владеньице:
Отбирали хлеб у черных пахарей,
Отбирали скот у крестьян тогда,
Распустошали русскую земелюшку—
Затвердела, засохла земля матушка,
Мурава трава стоит не кошена,
Во высоки стоги она не сложена.
Люди добрые ходили всё невеселы,

Со могучих плеч буйны головы повесили,
Не слезами плакал народ—кровью горячею,
Велика заботушка на ретивых сердцах,
Не видал народ утра раннего,
Как вставало красно солнышко,
Как катился шел белой день,
А во Нижнем было всё в Нове-городе,
У матушки было всё у Волги-реки,
У крутых, высоких бережочиков,
Где-ка жил-то был Кузьма Минин сам,
Род-от Кузьмы Минина не знаменитой был,
Умом-разумом Минин да мудрой он,
Он во всех делах был догадливый.
Возлюбил его народ нижегородской,
Почигал его народ посадской,
К нему часто мужики сходилися,
Говорили да вот обсуживали:
„Тяжело-то жить да в наше время-то,
Переносим мы больши обидушки“.
Кузьма Минин да Захарович,
Выбран был он земским старостой,
Он ведь может заступиться за великий град,
За великий град каменну Москву.
Возговорил Минин народу таковы слова:
„Оставляйте, добры молодцы, свои домики,
Расставайтесь с молодыми вы женами,

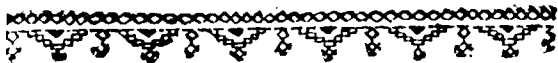

Распрощайтесь-ко со малыми со деточками,
Расступитесь со своим красным золотом,
Вы пакуйте во кузницах пожей булатных,
Вы наденьте латы богатырские,
Выбирайте себе восводушку“.

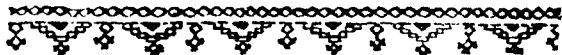
Отвечал народ нижегородской Кузьме

Минину:

„На что богатство нам теперь, именьицо?
У нас горе на Руси великое,
Отобрали ляхи нашу волюшку привольную.
Не за один родной свой Нижний Новгород,
Мы пойдем за всю земелюшку святорусскую“
Кузьма Минин свет да сын Захарович,
Сам ведь отдал всё свое именьицо-богасьвицо,
Не пожалела жена Минина Татьянашка,
Отдала свой скатный жемчуг она,
Покрывал тот жемчуг всю белу грудь,
Отдала серьги из ушей своих—
Самоцветные каменя с красным золотом.
Приходил народ к Кузьме Минину,
Как бояре-ти, дворяне, ихны жены-ти
Отдавали платье всё парчовое,
А кокошники расшиты были златом-серебром,
Драги жемчуги туда вложены,
Как блестело всё да ярко светило.
Бедной-то народ нёс во подарочек

По изможеньицу да по наживе-то:
Кто ведь нёс да рупь-полтинничек,
Кто ведь гривну нес да медну денежку.
Минин свет с князем всё с Пожарским-то,
Они клич-от кликали на весь же мир,
Они трубили, звали во туриной рог,
Собрался народ весь русской свой,
Надевала сила ратная латы богатырские,
Они в руках держали саблю вострую,
Они в руках держали копьё мурзаецкое,
Завладели всё мечами булатными,
И садилась сила на добрых коней.
И пошла сила во сраженьице,
А рубили врага саблей вострую,
А кололи врага копьём страшным-то,
Принимали врага на булатной нож.
Топтали ляхов всё конями быстрыми,
По путям-дорожкам их гнали-то,
Чтоб не остоялись паны на росстанюшках.
Подошел Пожарской к каменной Москве
Со своей-то со дружинишкой со верною,
Сила русская да обошла кругом.
Призакрыл заставы князь московские,
И попали ляхи во осадушку;
Вот ведь страшная беда у ляхов
приключилась.

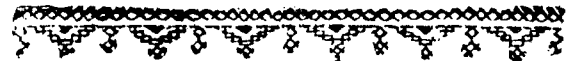

Тут ведь страшная гроза над ними
накаталася.

И задумали ляхи дельшко злодейское,
Погубить задумали князя Пожарского.
Воевода князь Пожарской-то,
Он уехал в Ярослав же град
Посмотреть там силу ратную,
Пересчитать полки запасные.
А поляки-ляхи всё неверные
Подослали в стан злодея-изменщика,
Чтобы зарубил, сколол он князя
Пожарского.

И прельстился-то злодей на золоту казну,
И поехал злой изменник в русску силушку,
Подошел изменник-от ко князю-то нечаянно,
Засадить хотел ему в спину вострой нож.
Миновал удар князя Пожарского.
Заслонил своим телом воеводушку
Его верной друг старой казак,
Заколот его изменник вострым ножичком.
Когда стал казак со белым светом-то
прощатися,

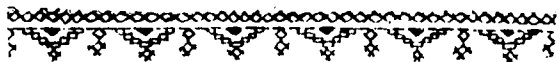
Вот во смертной час он слово вымолвил:
„Отомстите за меня полякам-то!“
Как схватили изменщика русски ратники,
Разорвали его, злодея окаянного.

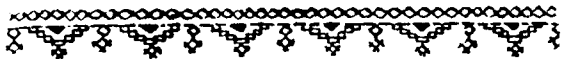
Черны вороны на труп его слетались,
И глаза его повывклевали,
А и кости все его да раскинали-то.

* * *

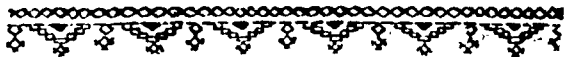
Надослали ляхи к Москве силу новую.
Трои сучочки-то все да поры-времени
Еще шел кровавой страшной бой,
Вот боролись-бились ляхи с силой русскойю.
И борзым коням отдоху не было;
Вот одаливать-то стали русских воинов.
Еще Минин-от Кузьма он догадлив был,
Со своею силой ратною немалою
Перешел Минин Москву-реку
Да зашел ко ляхам во середочку.
Тут не грозна туча накаталася,
Грудью шел народ да всё во бой.
Мать сыра земля да сколыбалася,
А Москва-река да взволновалася,
На Воробьевских-то горах леса шаталися, —
Тут во трубы-то да вострубили всё,
Завязался тут кровавой бой,
Как великое престрашное побоище.
Протекли от крови быстры ручеечки,
А из ручеечков протекли речки быстрые,
Москва-река от крови вражеской помутилася,
А и желтыми песками забросалася,

Злы же вороги, ведь, ляхи испугались,
Кто куда да стали утуляться:
Старшой лях хоронился за среднего,
Средней лях хоронился за младшего,
А от младшего, от ма́лого ответу нет.
Ляхи дрогнули, к Кремлю-то отступили все,
А за ними шли-то по московским улицам,
По кривым московским переулочкам,
Шла ведь сила Минина да Пожарского.
И секли, рубили ляхов, спуску не давали-то,
Где хватали, предавали смерти скорою.
Увидал своих народ да всё московской-то,
Открывали все косисчатые окошечка,
Во окошечках народ да низко кланялся,
Вот как кланялись люди славному Минину,
Благодарили князя Пожарского.
Как засели ляхи во Кремле в засадушку;
Еще хлебом-то Кремль не хлебен был,
А и порохом-то да не заправлен был,
Терпели ляхи холод да голод там.
Они приняли такую же долюшку,
Как терпел от них народ московской-то.
Досидели ляхи во Кремле до осени
до грязною,
Во ту пору-то да во то времячко
Русская славная могутна силушка

Во стену вошла да во кремлевскую,
Впереди-то ехал на добром кони,
На добром кони да на Белеюшке
Воевода князь Пожарской-свет.
Принужденъ, ведь ляхам расступитися,
Запустить во Кремль хозяев прежних,
И склонили ляхи под меч буйны головы.
На побег поляки побежали-то,
Они бежали-то да заклиналися:
„Нам не дай бог боле-то бывать в Москве,
Не видать нам боле русской силушки“.
А Маринка-то дочь ведь Юрьевна,
Она сорокой-белобокой обернулася,
По поднебесью хотела улететь опять
Во свою сторонушку во западну.
Увидали русски воины сороку белобоку
Как со страшными со огненными со очами-то,
Со железными была да со когтями-то.
Не понравилась сорока русской силушке,
Тут ведь клали стрелочку калёную,
Во тугой же лук разрывчатой,
Той калёной стрелочке наказывали:
„Высоко лети, стрела, по поднебесью,
Ты не падай-ко, стрела, не на горы,
Вот не на горы не на высокие,
Не пади, стрела, в моря глубокие,

Не во быстрые не во реченьки,
Не на тихие да всё на заводи.
Разлетись-ко-се, стрела калёная,
Как сороке-то да белобокой-то
Ты пади, пади в ретиво сердце,
Чтобы нала та сорока белобокая,
Чтобы пала она да на сыру землю,
На сыру землю, на болото-то,
Ее кости пусть съедят да псы голодные“.
Тут ведь пала калена стрела
Как сороке в сердце во поганое,
И упала-то сорока на сыру землю,
Не вздохнула-то она, не крикнула,
Как ведь сразу же Маринка умертвилася,
По грехам ее да так свершилося.

* * *

Как на русскою родной земелюшке
Не осталось ни единого ворога.
Осветило землю русскую красно солнышко,
Обошла кругом луна поднебесная,
Прославляет народ русской всё богатырей,
Вечна слава всё да не минуется
Как Кузьме-то Минину да свет Захаровичу,
Полководцу Дмитрию Михайловичу
Пожарскому.

СКАЗАНИЕ
О СУВОРОВЕ
И ЕГО ЧУДО-БОГАТЫРЯХ

Зачинаю петь я пропеваньице,
Пропеваньице про времячко досельнес,
Про богатыря всё русского
Про Суворова Александра Васильевича.
Енерал Суворов богу молитсе,
А пред ним солдат да низко кланяетсе,
Низко кланяетсе, в гости проситсе:
„Уж ты, гой еси, всё отец родной,
Ты спусти, спусти на свиданьице,
На свиданьице с отцом, с матушкой,—
Роду племени рассказать про всё“.
Усмехнулся тут сам Суворов-то:
„Уж ты, гой еси, млад солдатик мой,
За твою ли я за службу всё за верную,
За твою ли всё за сметку молодецкую,
За подвиги твои за геройские
Я хочу тебя одарить золотой казной“.

Возговорил тут млад солдатик-от:
„Уж ты, гой еси, наш отец родной,
Мне не надоть никакого награжденьица,
Если в бой сейчас—я иду опять,
Я иду опять с ретива сердца
Бить-громить врага лютого!“

Отвечал ему Суворов-свет:

„Я ведь знаю, разумею, солдату русскому
Свое отечество дороже злата-серебра,
Дороже скатного оно драга жемчуга.
Поезжай, дородный, добрый молодец,
Отпускаю тебя с чести, с радости,
Спровожу тебя со весельица.
Ты живи, живи да месяц времени,
Считай месяц-то без дорожечки,
Ты бери себе золотой казны“.
Пошел молодец в путь-дорожечку,
Распростился с ним Суворов по-отечески,
А солдат-от русской пошел во поход
домой,

Не на пешу шел, будто сокол летел,
Будто сокол летел так крутехонько,
Будто крылышком он помахивал.
Шел солдат-от темным лесом,
Путь-дороженьку держал на Мезень-реку,
Ему стрета да повстречался,

Новобранные ребята шли молодые,
Вот молодые шли, безбородые,
Пели песню они походную:

„Тучи темны, тучи грозны
По поднебесью идут,
Наши храбрые солдаты
Со ученьица идут,
Меж собою речь ведут.
Нам не страшно ведь, ребята,
Всё Варшаву город взять!
Не боимся, не страшимся,
Мы же к пушкам подбежим,
Не боимся, зарядим“.

Увидали ребята новобранные,
Вот идет солдат по дороженьке,
За плечами несет сумочку-котомочку,
Он на посох-батог упирается.
Поровнялися новобранные, поздоровались:

„Ты откуда идешь, служивой,
Из какой идешь сторонутки!“

Отвечал тогда им солдатик-от:

„Я иду, иду да издалеченька,
Я суворовский солдат из походу-то,
Резвы ножечки истопталися по дороженькам,
Белы ручушки измахались во сраженьицы,
Повидали очи ясные виденьица,

Битв кровавых-то не сосчитаешь никак".
Новобранные солдаты ему поклонились:
„Воздавам мы тебе честь да славушку
За твою ли службу верную;
Посиди-ко с нами, побеседничай,
Расскажи ты нам, где в боях бывал,
Ты видал ли богатыря Суворова?
Он каков видом, да он каков станом?
Он высок ли ростом да красив лицом?“
Тут солдат суворовский россмехнулся-то,
Снял со плеч своих могучих он котомочку,
Он садился-то на пеннице-кореньице,
Вынимал кисет он гарусный,
Вынимал он трубочку янтарную,
Набил он трубочку табаком турецким-то,
Доставал солдат из кремня огонь,
Закурил он свою трубочку,
Возговорил к солдатам новобранным-то:
„Вы скажите наперед, добры молодцы,
Что вы сами-то слышали про Суворова,
По деревенкам по вашим что рассказывали?—
Один парень молодой скоро выскочил,
Правой ноженкой да стал притаптывать,
Он ведь шапочку манежно взял надвинул-то,
Возговорил парень таковы слова:
„Как Суворов есть богатырь преогромнейший,

Он собой плечист, брюхо толстое,
По земле идет, земля колыблется,
Леса темные все шатаются,
Моря-реки-ти да разливаются,
Разгневится он да растреложится,
Кинет посох он богатырский-то,
Его посох уйдет во сыру землю,
Енеральский кафтан расшит красным золотом,
Изукрашен он камеем самоцветным-то.
Он сидит, Суворов, на добром коне,
Под ним конь-от богатырский всё шатается,
Первый скок он скочил ровно на сто верст,
Другой скок он скакал на тысячу,
А третьему скоку числа-сметы нет".
Тут солдат суворовский не замог боле

слушати.

„Спасибо, добрый молодец, на рассказаньицы,
Твоей враки не укласть во три короба.
Вы послушайте, ребята новобранные,
Расскажу я вам правду сухую.
Во военных-то было лагерях,
Мы стояли-то да под Туречиной,
Вот привез капрал да скору грамоту
Из Питербурга да славна города
К самому Суворову Александру свет
Васильевичу.

Он идет, капрал, всё по лагерю,
Всё высматривает палаточку енеральскую,
Куда ни взглянет, ни посмотрит-то,
Все палатки одинакие солдатские.
Вдруг он видит-то старичок бежит,
Ростом маленькой, собой худенькой,
На ём куртка рваная солдатская,
Он несет в руках котелок с водой.
Вот капрал окликнул его строгим голосом:
„Ты постой, служивой, не беги бегом,
Ты скажи-ко мне да проводи меня,
Где-ка ваш енерал Суворов сам,
Где палаточка его белополотняна?“
На бегу старик да не замешкался:
„А кто его знает, где-ка дурень живет,—
О нем толковать, зря время терять!“
Рассердился, огрубился молодой капрал,
Он погнался вслед за ним да с палкою.
„Как посмел ты, старой нес,
На енерала на Суворова лаяти,
Его чтит вся наша мать Россия-то!“
А старика-то уже след простыл.
А провели капрала во палатку-то,
Перед ним-то полководец сам Суворов-свет,
Придет в мундир он енеральской,
Через плечо у него лента шелкова,

Вся же грудь его в орденах, звездах;
Оробел капрал да ужаснулся,
Ноги резвые не заслужили-то,
Руки белые не завладели-то.
Полководец 'от Суворов рассмеялся:
„От тебя, от молодца, едва ноги я унес!“
Помертвел капрал да с лица сменился,
А Суворов полководец подошел к нему,
Взял из рук его скору грамоту,
Он пожаловал его чаркой зелена вина,
Отпустил его в славной Питер-град;
Вот, ребяташки да новобранные,
Не зря старинная пословица-та водится:
Не велик золотник, да дорог,
А велика дубина—она пуста!
Он для нас Суворов как отец родной,
С нами он, солдатами, заодно живет,
Заодно живет, военну жизнь ведет.
Он ведь с нами ест из одного котла,
А по середам, по пятницам
Подают ему три кушанья енеральские:
Перво блюдо несут—редька с квасом,
Друго блюдо несут—редька с маслом,
А третье блюдо—редька так!
Ему постелю стелят солдатскую
Как из сена-то да из соломушки,

Обучает Суворов побеждать врага,
Как зачать же бой, как зайти кругом.
А и бей врага, не щади себя,
Не щади себя, не жалей врага".
А и любит солдат ученьице,
Было б с толком оно да с понятием!
А воюет-то солдат не шагом-то,
А воюет солдат умом-разумом!
Тяжело солдату во ученьицы,
А легко ему будет во сраженьицы!
С младых лет Суворов сам изведал весь
солдатский труд:

Его отдал недорослым отец-батюшко
В славу хвальну русску армию.
Перенес он стужу, жизнь невзгодную,
Не на мягкой спал пуховою подушечке,
А и спал на голой на земелюшке,
Прикутывался не одеялышком соболиным-то,
А со плеч своих рваной шинелишкой.
А встают солдаты суворовски
По утру ранним ранехонько,
Во походы идут пятьдесят же верст.
Переplывают они речки быстрые,
Речки быстрые да каменистые,
На крутые горы высокие воздымаются,
По болотам идут по жидким-то,

Еще пеньицо-кореньицо ломается,
Из озер, из рек вода разливается,
Мать сыра земля сколыбается, —
Так суворовская идет сила-армия,
Сила-армия, конска гвардия!
Не любит Суворов порядков немецких-то,
Чтоб носил солдат косу длинную,
Он не немец, не прусак, а природный
русак.

А и русскому солдату не шагать ходить,
Воевать итти на кровавой бой.
А военну науку премудрую
Взял Суворов от Петра он Первого, —
Как во бой итти — впереди идет,
Впереди идет силы-армии.
Он махает своею саблей вострою,
Встречным пулям-ядрам не кланяется,
Он кричит отец по-богатырскому:
„Уж ты, гой еси, сила-армия,
Ты постой, постой за святую Русь!
Вы солдаты, мои дети неизменные,
Али вы от старика меня отстанете,
Во кусточки ракиковы попрячетесь?
Не бывать тому, не слышать того,
Чтобы русская да славна армия
Убоялась, утрашилась врага лютого

Мы поборемся вместиах да посражаемся,
Кровь прольем за родную земелюшку,
Отдохнем тогда мы, ребятушки,
Разопьем мы чашу зелена вина“.
Заиграет тут военна музыка;
Будет тут кровавая работушка,
Велико тут будет сраженьице.
Побед Суворова да было множество,
Не сосчитать числом, не рассказать никак:
А и шла кака земля неверна всё войной
Да на нашу на родну земелюшку
на русскую,
Не давал пощады наш Суворов-свет,—
Подсекал всю силу приходящую!
Говорил Суворов поговорочку старинную:
„Не верь другу любому, а верь глазу
правому“.
Ему было от роду да шесть десятков лет,
Когда влез Суворов на елушку на высокую,
Просмотрел силу всю неприятельску,
Доглядел же сам, пересчитал же всю
И пошел во бой, напал на ворога.
Крепость грозная была постановлена,
Укреплена у турок крепко-накрепко.
А не чаяли злые турки-то,
Что возьмет Суворов крепость у Дунай-реки,

А и злые турки возговорили:
„Скорей Дунай-река потекёт назад,
Чем мы крепость Измаил сдадим врагу,
А никак не взять Руси, не победить же нас.
Как повел Суворов силу-армию
Во кровавое да во сраженьице.
Шел Суворов впереди же всех
Он вместих с солдатами любимыми;
Разлетелась пуля быстра во его плечо,
Потекла из раны кровь горячая—
Рана та была глубокая,
Не простонал же он да не воскликнул-то,
Возговорил он да таковую речь:
„Принесите мне, мои детушки,
Мою рубашечку с плеч ведь ношену“.
Не ослушались солдаты, исполняли всё,
Принесли рубашечку по скорости,
Разорвал рубашку Суворов рукой
здоровою,
Завязал себе рану кровавую,
Не замешкался он, не отдохнул никак,
Снова в битву он пошел опять:
Разлетелися орлы да со святой Руси,
Златокрылые орлы суворовские,
Они напали на пшеницу на турецкую,
Они начали конями-то вытаптывать,

Мечами острыми рубили, саблями.
А турецка сила вся валилася,
Как трава валилася подкошенная!
Много, много было силушки турецкою
А и ясну соколу не облететь будёт,
А майору не объехать на добром кони.
А и вот нобили-то силу неверную,
Крепку крепость взяли неприятельску.
Запросил солтан миру скорого.
Привелось Суворову побывать во Турции,
Он пошел, Суворов, на чернёном карабле
По морюшку да всё по Черному,
Потянули ветры всё попутные.
Подошел Суворов ко Царю-граду,
Зашел Суворов в гавань карабельную,
Солнце красное взошло утром ранним-то,
Засветились, загорелись крыши золоченые,
На теремах, на башнях на высоких-то.
Солтан сам навстречу вышел ко Суворову
И повел его на башню на высокую,
По лестнице повел камня браманта,
Заводил на балхон бела браманта,
По коврам вел пересийским-то,
На подушечки садил на пуховые,
За кушанья садил за сахарные,
За напитки садил за заморские.

А Суворов вот не пил сидел, всё
выслушивал.

Говорил солтан да таковы речи:
„У меня ли войска числа-сметы нет,
Да в боях, во битвах незадачливы,
Во сраженьицах да недогадливы,
Дивуюсь сам, отчего у нас войско
несмелое“.

Отвечал ему наш Суворов-свет:
„Уж ты, гой еси, солтан турецкий же,
Наше войско-то да славно русское,
Оно верное, послухмянное,
Хошь ты в воду пошли, идут на дно,
Вот идут на дно серым камешком,
Во огонь пошли, во огонь идут,
Не дорожат своей жизнью молодецкою.
Призови ко мне своего солдата младого,
Прикажи ему броситься со башни
со высокою“.

Приглянулись эти речи солтану турецкому,
Он призвал к себе солдата младого,
Подносил ему чару зелена вина,
Выпивал солдат да на единой дух,
Выпивал, солтану низко кланялся.
Вот приказывал солтан солдату младому
Сослужить ему да службу верную,

Ты скачи-ко вниз со башни со высокой-то“,
Тут немного думал солдат суворовский,
Не разговаривал, не переспрашивал,
Перекрестился он да хочет скочити,
Он забросил-то, закинул ногу правую
Чрез перилышка да золоченые.
Полководец наш был проворен-от,
Удержал скоро солдата за полу,
Он снимал с себя, Суворов, золоты часы,
Надевал часы солдату на белу шею,
Скинывал с руки да золотой перстень,
Надевал солдатику на руку правую,
Целовал его в уста сахарные,
Прижимал его да к ретиву сердцу,
Подносил ему зелена вина.
А солтану турецкому за беду пришло,
За великую насмешечку показалось;
Клал солтан тут заповедь великую,
Не итти войной на святую Русь.
А во ту пору, да во то времячко
Объявился у французов молодой енерал.
Он прельстил народ свой лясами-обманами,
Он замыслил-то, задумал Наполеон злодей
Он пойти войной да на святую Русь.
И дошла эта весточка нерадостна
До самого полководца до Суворова.

Он сажился во кибиточку дорожную,
Он поехал ко своей да силы-армии,
Он не стал ведь дожидаться злого недруга,
Он повел навстречу свою силу-армию,
Шли горами-то всё высокими,
Воздымалась сила-армия под облака,
В облаках-то шла, как во туманушке.
Как на тех горах крутых да на окатистых
Среди лета льды да не оттаивают.
А и вот какие были всё ущельица,
А какие были во горах проваженки—
Перелётной птице пролететь нельзя,
Зверю лесному не пробежать никак,
Туру златорогому не перескочити,
А и тут прошла да сила-армия,
Сила-армия да всё суворовская,
Уж как шла она, истомилась,
Приняла она страсти-ужасти,
Во походах она не растерялася,
Впереди полководец Суворов сам же шел,
За собою вел он силу-армию.
Чудно-дивно было взять нам Чортов мост,
Он повиснул был все над пропастью
Меж горами каменистыми.
Из-за скал палят, стрелят французы-то.
Как от ихних выстрелов горы сотрясаются,

Скалы каменные на нас летят.
А вот пришла сила-армия Суворовска,
С полководцем-то Суворовым куда хошь идем,
Хошь в огонь идем, хошь на морское дно.
У нас есть така солдатская припевочка:

„С предводителем таким
Воевать всегда хотим!“

Так и вы, ребята новобранные,
Вы идете-тко служить в армию Суворовску,
Вы служите-тко ему верой-правдою,
Вы постойте-тко за родину любимую,
За великое свое да за отечество.
Меж собой же вы да будьте бодрые,
Во боях-сраженьицах удалые,
Во солдатском-то ученьицы догадливы.
Вы идете-тко, ребята, с миром-то,
Во битвах со мною повстречаетесь!
А и славна русска армия суворовска
Она во век такой и останется,
Как по храбрости да всё по мужеству,
Как по силушке своей да всё по доблести,
Как по смелости она, по находчивости,
По великой мудрости да по догадке-то.
А и наша славна Красна Армия,
Красна Армия всё богатырская—
Она во бой идет и вспоминает-то,

Зспоминает-то, благодарит всегда
а премудрую науку за суворовску.
Вечно будет-то ему да споминаньице,
Полководцу-то великому Суворову
Александру-то да свет Васильевичу.
Он во бой идет сейчас да впереди полков,
На добром коне летит да во сраженьице!

С
КАЗАНИЕ
О КУТУЗОВЕ
И ПОЖАРЕ МОСКОВСКОМ

А не тёмная та туча накаталася,
А не страшная гроза да подымалася,
А погода страшно расшумелася,
Морска музыка разыгралася,
Тяжело вздохнул весь народ родной.
Во ту пору-то да во то времячко
Надошел под Россию проклятой враг,
Подошел злодей немилосъливой,
Он собрал-то силу со многих земель,
Он пошел войной на Россию мать,
Как Москву хотел забрать белокаменную
Как пошел Наполеон да на Москву,
Мужики да бабы, дети разбегалися,
Во темных лесах укрывалися,
Во темном лесу под елушечкой,
Под елушечкой да под кусточиком.

„А в лесу-то каждой кустик-от
Ночевать бездомного он пустит-то“.
А и шел Наполеон дорожкой прямоезжею,
Не давал отды́ху во пути нигде,
Он ведь близился к Москве

белокаменной;
Взговорил народ тогда промеж собою-то:
„Как одна надежда у нас да упованьице—
Вот Кутузов свет Михайло Ларионович
Со дружинишкой своей со верною,
Отобьет врага, силу вражеску,
Сохранит Москву белокаменную“.
Не искал Кутузов славы-чести-то,
Он не славился, не похвалялся он,
Он любил солдатов, как отец родной,
Никого-то из солдатов, он не ругивал,
Вот не ругивал да не бранивал,
Когда стал Суворов скончеватися,
Со белым светом да распрощатися,
Не забыл он спомянуть да силу-армию,
Силу-армию, конску гвардию.
Возговорил Суворов таковы слова:
„Белой свет в очах у меня закрывается,
Вся земная жизнь остается,
Оставляю я да всё взамен себя
Друга милого да всё любимого.

Заодно вместиах мы думу думали,
Всё, что надобно, исполнит полководец
ваш

Как Михайло свет Илларионович!
Не боялся он, Кутузов, смерти скорою,
Не страшился пули, ядров-то,
Не утулялся он за спину-то солдатскую.
Не один же раз Кутузов ранен был,
А и выбила же пуля глаз ему,—
А не боль ли то была, не рана ли?
Он не слышал боли будто страшную,
Он ведь рвался, шел да в бой же всё.
Он, Кутузов, был в делах опасливой,
Не кидался в бой бездогадливо,
Не проливал задаром крови русскою,
А лета его да все не младые,
Дни ведь шли его к закату-то,
А лета к седьмому всё десятку шли.
„Не по годам моим сейчас работати,
Мне-ка, старику, сейчас да на печи лежать,
На печи лежать да отдохнуть пора.
Да мне старому ведь надоть поработати
Для всего родного мне народа-то,
Замениться старику мне некем-то.
Могута у меня по-досельнему,
Ум-от, разум мой по-старому,

Мысли мудрые не покидают' меня,
У меня дружинушка любимая,
Много сынов да ясных соколов,—
Сила хвальная русска армия“.

* * *

В летнем-то всё месяце во августе
Близ Москвы на поле Бородинском-то,
В летний жаркий всё денечек,
Как во тот ли во треложный во часочек
Полководец русской всё Кутузов-от
Как Михайло свет Илларионович,
Он ведь мыслил мыслицы премудрые,
Он ведь думал всё, как победить врага,
Отогнать врага от каменной Москвы.
Он расставил русску силушку полками-то,
Установил он силу-армию рядами-то
Как по старому, по древнему порядочку.
Приказал Кутузов принести на поле

Бородинское

Чудной образ Володимерской божьей матери,
Приказал он своей силе-армии
Придетися в рубашки чистые.
Отказались воины от зелена вина,
Приготовились к престрашному побоишу:
А и во полюшке во Бородинском-то
Произошла же битва та кровавая.

А и бились боролись тут не час, не два,
Они билися, боролись с утра раннего
Как до поздней темной ноченьки.
Не могли друг друга побороть никак.
Не больша была же силушка Кутузова,
А французской силы было много больше-то.
Ужахнулись французы в битве Бородинскою,
Тяжело французам битва-то досталася,
Угостили тут гостей хорошею закускою,
Не скупилися на пули и на ядрышка,
Хорошо дрались штыками-то,
Вот конями их топтали борзыми.
Полегло тут много силушки убитою,
Много силы пало тут ведь русскою,
Пало боле-то ведь силушки французскою,
Ясну соколу не облететь никак,
Добру молодцу-то не объехать на добром кони,
Числом-счетом-то не сосчитать никак.
Почитал его француз Наполеон-то всё,
Он нарек его, злодей, лисицою старою.
Подошла же сила русская под град Москву,
Собралися енералы все в Филях, все
съехались,
Не в дворце каком они скопилися,
Во простой избушечке крестьянской
соходилися.

На печи лежит девчонка, слушает,
Как промеж собою енералы совет держат-то.
Меж собою у енералов всё же спор пошел,
Задержать врага да у Москвы ведь надобно.
Перевысил ихной спор полководец сам,
Как Кутузов, дедушко Михайло Ларионович:
„Вот пришло-то время, прикатилося,
Нужно нам самим же сдать Москву,
Отдаю приказ, вы исполняйте-тко“.
Как сказал Кутузов, слезно прирасплакался,
Не проста он сдал Москву же град,
Не французам дал он в подареньице,
Отдал он Москву да во спасеньице.
Приоставила Москву да белокаменную
Как ведь русская да сила-армия,
Прирастужилась, расплакалась, как

расставалася

С каждой улочкой да с каждым переулочком,
С каждым домиком да уголочком-то,
Со бревешечком да со каменьицем,
Со кусточиком да со листочиком.
Не облито всё же было частым дождичком,
А омыто всё слезьми горячими.
Осиротела мать родна земля,
Будто бросили вдовицу мать несчастную
Родны деточки да без приюту-то.

И покрыта-то Москва да белокаменная
Тоской, горюшком, печалью и досадушкой.
Дивовались французы, ужались:
„Почему Кутузов отступил назад,
Отошел он от Москвы белокаменной!“
Вот зашел, зашел в Москву Наполеон злодей
С силой-армией своей дванадесят язык.
А зашел француз в Москву не с чести,
с радости,
Не встречал его народ Московской-то
Хлебом-солью-то его не встретили,
Не поднесли ему на блюде золоченом-то
Золотых ключей городских ему не подали,
Не примал его народ в управители,
Не зазывали его в рассудители.
А и скрытно все зашел в Москву,
Как лукавой бес, подорожной вор.
А народ московской разбежался же,
Стары, млада кто куда утулялися
По темным лесам да по сырым борам.
Не видать людей по улицам,
Никого не встретишь в переулках-то,
Будто спали все непробудным сном.
Вот французско войско запечалилось,
Прирастужилось, закручинилось;
Они шли в Москву с такой думою:

„Прозимуем в Москве зиму мы холодную,
Не убоимся стужи морозною,
Теплым платьем мы приоденемся,
Как ведь катанцы приобуем-то,
Есть и пить мы будем, сколько нужно нам,
Зелена вина сколько хочется.
Жарки баночки нам натоплены,
Мыло, веники подают ведь нам,
А вода-то из реки наношена,
В теремах кроваточки кисовые,
На кроваточках периночки пуховые,
Соболины одеялышка нам призакутаться.
Как народом град народен-то,
У французов слуги будут московские
Низко кланяться, челом нам бить“.
А в Москве, Москве белокаменной
Вот не ясны, светлы звездочки загорались,
Столбы огненные к небу подымались,
Ветры буйные огонь подхватывали,
Перекинывали, перебрасывали через улицу,
От одного-то терема другой да загорался-то.
Как пылал, горел пожар московской-то,
Густой, черной дым валил клубами всё,
Искры сыпались как снег зимой.
А Москва горела ярким пламенем.
Во ту ноченьку да всё во огненную,

Вот во огненную всё, во дымную.
Тут не белая лебедушка-та кикала,—
А и славная Москва-река проплакала,
Она проплакала слезами всё кровавыми.
А Москва-то белокаменная бушевала-то,
В огне-пламени она стояла всё,
Дым-от черной небо приказрыл тогда,
Не могли французы-то дышать в дыму,
Не могли пожару загасить того.
Как один-от дом водой зальют,
А другой московчана поджигают всё,
Тут французов в жар и закинало-то.
Не по-французскому-то вышло
по умленьицу,
Не по-ихнему случилось по хотеньицу
Не пошел никто к французам
со поклоном-то,
Еще стар и млад по улицам не хаживали,
Перелётна птица не пролетывала.
Не было французам теплых горниц тут
Негде было им укрыться ночью темною,
Ночкой хладной, грязною, осённою
Ночевать французам приводилося
На широкой московской улице,
Под открытым черным небом-то.
В сголовьях да не пуховые подушки-то,

Обморозили тела французы белые.
У кого платок, у кого же шаль,
У кого-то шарф, у кого кушак,
У кого одежда вовсе женская.
Как голодны волки они воели.
Каждо кость хватали подорожную.
Вот погнал их Кутузов из страны тогда.
По разбитой разорённую дорожечке,
По пути распутошенному Наполеон
пошёл,

За французом шла русска армия,
Не давала врагу остоятися,
Не передохнуть ему со дорожечки.
На путях везде да на дорожечках
Как встречал народ французов-то,
Вот встречали их да угощали всё—
Кто ведь вилами да кто рогатиной,
Кто мечами, ножом вострым-то.
А простой мужик да деревенщина,
Он выдергивал стоячий дуб,
Вот стоячий дуб со коренем,
Помогал он гнать французов-то,
Нападал он на французов, убивал же их,
Предавал их смерти скорою.
„Не заходи, злодей, на нашу родину,
Мы подынемся да как один всегда!“

* * *

За подвиги Кутузова да за геройские,
За услуги-то его за богатырские
Пропевали Кутузову славушку,
Пропевать-то будут всё, рассказывать.
Той старинушке конец пришел,—
Как Москве-реке на тишину на тихую,
А Москве-то граду белокаменному
Как на честь, на славушку великую!

БЕЛОМУ МОРЮ РАДОСТЬ ВЕЛИКАЯ

Не по зимы было по холодную,
Не по осени было ненастною,
Как по лету было, лету красному,
Как во августе летном месяце
Зашумели, зашатались леса тёмные,
Гамом-шумом лес да принаполнился,
То не ветер буйный сбухевался-то,
То не Вихорь Вихоревич разлетелся-то,
Заломал древа в лесу высокие,
То народна силушка расходилася,
Могучи плечи да сшевелилися,
Лепета в лицах переменилася,
Резвы ноженьки растопталися,
Белы ручушки да размахалися,
Тут булатные топорики забрякали,
От красна солнышка топорики засветили.
Она пошла, сила, валить да леса тёмные,

Высекать в борах да светлы просеки,
Пеньицо-кореньицо выдергивать,
Призаваливать болота жидкие,
Настилать мосты деревьями,
От костров дым густой валил,
Тяжела была им работушка,
Велика была на сердцах заботушка,
Пот горячий-от бежал по белым лицам,
С народной силушкой с богатырскою.
С нею шел сам царь Петр Алексеевич.
Как на каждой топи, переправе-то
Перьву мостовину клал Лексевиц сам,
А другу приказывал сыну любимому,
А третью мостовину класть боярам-то.
Боярам-то, дворянам за беду пришло,
За великую насмешку показалось,
Они работали-то не от желаньица,
Они работали по приказаньицу.
Да не боялся народ простой-от
страсти-ужасти,
По жидким-то мхам, болотам шли
проваливались,
Добры кони от тяжести надрывались,
Новы кони соржут да с ног надут,
Стерты до крови шеи лошадиные,
Ременчата сбруя поприрвалася,

Помогал народ добрым коням своей силою,
Надевал народ лямки на могучи плечи,
Он тянул-тащил караблички канатами,
Жердьем-кольцом дубовым-то подпихивал.
За чернёными-то за карабличками
Волокли, везли пушки медные.
Призапухли у народа лица белые,
Мошкара их жгла, прокусывала,
Их обуточка, одежда вся мокрехонька.
У них не было постелечки пуховую,
В изголовьяцах подушечки не положено.
Им постелечка да мать сыра земля,
Им подушечка-то пеньице-кореньице,
Одеялышко — да ветры буйные.
Шел народ, сказать, не день, не два,
Две неделечки шел народ поры-времени.
От самого от морюшка от Белого
Вели они чернёны карабли.
Они спускали чернёны карабли
Во широко озеро в Онежское,
Подымали полотняны парусочки,
Развивали тонки белы кливерочки,
Заряжали пушки медные со ядрами.
Стояла тут крепость шведская.
Не пропускала крепость на Неву-реку,
Не давала пути-дороги в море Балтийское.

Во июне-то, во летнем месяце,
Как стояли моря Северны на тишине,
А и не продували ветры буйные,
Не вздымались волны морские,
Не гремели серы камешки,
Не шатались древа на крутых горах.
Как по тихим-то пустынным бережочикам
Чайки белые всё пролетывали,
Прилетали чайки в тихи лахточки,
С громким криком-то садились ночевать
они.

Как во ту пору да во то времячко
Шли чернёны карабли во море Белое,
Они шли из моря-то Балтийского,
По каналам шли по глубоким-то,
Выходили на пространные озерышка,
Вот не силой их тащили лошадиною,
Не катили по каточкам по сосновым-то,
Они шли своей силой самоходною.
По воде они шли пространною.
Не закаталось солнце за круты горы,
Не укрывалось солнце во темных лесах,
День и ночь оно ярко светило,
Светом светило, пригревало-то.
Солнце красное да улыбалось,
Травинка всякая приклонялася,

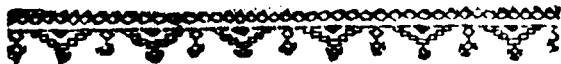
Все лесинóчки-елиночки кивали тут.
Гуси-лебеди на озерышках заплавали.
А и впереди караблей ясён сокол летел,
Куны быстрые, лисицы чернóбурые
Перескакивали с камешка на камешок,
По крутым бежали бережочикам.
Ветерочки южны тихо веяли,
Север весь да возговорил-то:
„Добро жаловать, да дорогой наш гость,
Дорогой наш гость да небывалый-то!
Тебя ждут моря да Северные.
Моря Северные всё, студёные“.
Тут не красно солнышко осветило,
Не луна обошла да поднебесная,
Не зорюшка взошла утренная—
А и вышел-то на палубу карабельную
Наш великий вождь, премудрой
Сталин-свет,
Вот Иосиф-то Виссарионович.
Во своих руках во белых-то
Он держал же трубочку подзорную
Стекла светлого восточного.
Он глядел, смотрел да всё проглядывал,—
По-хорошему ли всё приустроено,
Как приспущены чернёны карабли
Во шлюзы-то да во глубокие.

Наш ведь славной вождь, хвальной Сталин-свет,
Не по просекам лесным прошел же он,
Он провел чернёны карабли каналами,
Не по лесам дремучим да по жидким мхам,
Он провел чернёны карабли всё по волнам,
Их провел водою в море Белое,
А из моря Белого да в Океян-море.
Вот он трубочку держал да всё подзорную,
Смотрел в четыре стороны он Океян-моря.
Во первых смотрел он в сторону во западну,
Во других смотрел он в сторону восточную,
Во третьих смотрел он в сторону во южную,
Посмотрел он в сторону во северну.
Не бывал дотоле славной Сталин-свет,
Не бывал в морях да он во Северных.
А прошел морями всеми Северными,
Он и сам прошел и карабли провел,
Осмотрел тогда все бережочки,
Оглядел заливы все же морские,
И сказал где надо строить всё заставы
крепкие
Да построить маяки для чернёных караблей,
В ночки темные осенние да зимние,
Чтобы светили, блестели огонёчки.
Он содвинул в море Северном новый
славный флот

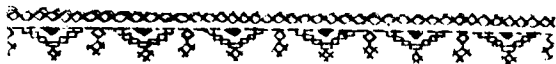

Он для всех для нас родной отец.
От всего народа северного
За великую премудрость Сталинску
Пропоем ему славу великую,
Вот великую славу, вечную.
Долгу веку быть вождю да всё
счастливо жить,
Вот счастливо жить да вечно
здоровствовать.

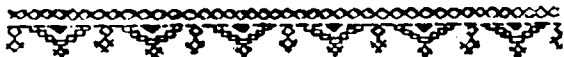

РУБЕЖ ЗЕМЛИ РОДНОЙ

Из-за крутой горы да высокою
Потянули-то да ветры буйные,
Ветры буйные да всё стретные.
А и побежали злые вороги,
Злые вороги, злодеи, неприятели.
Они бегут, бегут да спотыкаются,
Они бегут да озираются.
Ко сырой земле да пригибаются,
Во темных лесах они скрываются,
Во розлогах-то, в оврагах утуляются,
За кусточек каждой они хоронятся,
За кусточек-от, за камешочек-то.
Тут злодеям-то не охраненьице,
Не охраненьице, не загражденьице.
Их разыщут, найдут красны богатыри,
Не оставят-то злодеев их во живности,
Росчитаются с има да росквитуются

За свою они родну земелюшку,
За все дела ихны злодейские свирепые.
Города наши злодеи-то на дым спустили,
Части мирски деревенки повыжгали,
Народу славного советского повыгубили.
Они гонят силу вражеску злу, немецкую,
Рассекают ее будто молнией,
Развевают-то ее будто вихорем.
Тут не гром гремит да по поднебесью,
Не волна морска да в берег катится,
То идет-гремит да сила-армия,
Сила-армия да конска гвардия,
Со востоку-то да светит красно солнышко,
Со востоку-то идут красны богатыри,
Они лѣтят быстрей да ясна сокола,
Они бежат легчей ведь тура златорогого,
Горы-ти высоки перемахивают,
Речки быстрые да перескакивают,
Мелкие озерышки меж ног пускают.
Моря синие им да приоткрылися,
Круты горы им да показались,
Они зашли да на родной рубеж,
Они ступили на границу-то ногами резвыми,
Где-ка в прежно времячко, во досельное
Оберегали богатыри родну земелюшку.
Проезжал-то Илья Муромец на Белеюшке,

Проезжал Добрынюшка Никитич
на Воронеюшке,
Проезжал Алеша Попович на Буреюшке.
Уж как вспомнили наши красные богатыри
Старопрежних-то славных богатырей,
Поклонилися они родной земелюшке,
Честь воздали-то они старым богатырям,
Распалилися у них да ретивы сердца,
Они пошли вперед да в станы вражески,
Чтобы враги злодеи не зашли бы к нам,
Ни с какой стороночки не показались,
Чтобы думами они на нас не думали,
Чтобы мыслями па нас они не мысливали,
Из речей, из слов не выговаривали.
Из веков в века да им не слыхивать,
Как поют у нас соловьюшки в зеленых
садах,
Как шумят древа да во сырых борах,
Как кричат-гамят да птицы морские,
Как ревут у нас да звери лесные,
Как гремят-журчат да речки быстрые.
Из веков в века да им не видывать,
Как стоят у нас да горы высокие,
Самоцветным-то каменьяцем разгораются,
Как чернеют-то по синим морям чернёные
карабли,

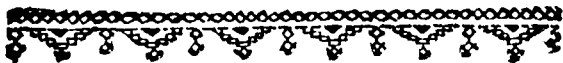
Как белеют-то на них белы парусочки,
Как бегут по ним олени-то,
Пробегают-то лисицы красные,
Как растут в зеленых лугах травы шелковые,
Во чистых полях рожь-пшеница колыбается.
Вот разобьют, разгромят врага

немилосьливого

Установят-то заставушки богатырские,
Вот заходят-то премлады пограничники
По темным лесам по дремучим-то,
По жидким же мхам да по болотикам,
Мимо тихих-то озёрышек.

Как заходят-то премлады пограничники
Они по крутеньким да бережочикам,
По желтеньким да по песочикам,
Зорким взором-то всё просматривают,
Чутким ухом-то всё прослушивают,
Чтобы злой же враг не зашел никак,
Нигде злодей не показался бы.

Они будут ходить да вот прохаживать,
Вспоминать будут битвы молодецкие,
Всё сраженьица страшны геройские,
Все подвиги-то да богатырские,
Вспоминать будут вождя великого
Как премудрого да славна Сталина
Вот Иосифа свет Виссарионовича,

За его заботу за сердечную,
За его работу богатырскую,
За дела его все премудрые,
Как избавил он родну земелюшку,
Как повыручил народ из неволюшки,
Силу-армию вел да к победушке.
Вечна славушка вождю да не минуется.

КРЕМЛЕВСКИЕ САЛЮТЫ

То не гром взгремел по поднебесью,
Не золота труба вострубила-то,
Запалили пушки скорострельные,
Отозвались круты горы Воробьевские,
Пошатались леса темные.
То не красно золото рассыпалось,
Не чисто серебро да раскатилось,
Осветилось небо лучами светлыма,
Засияли звезды кремлевские,
Зазвонили, заиграли часы на башне-то,
Река Москва да всколыбалася,
Она морской волной да разливалася,
Раскатилася волна да к самому Кремлю.
То не северно сияние просветило,
Разыгрались в небе лучи алые.
Мавзолей стоит на Красной площади,
Он ведь весь в лучах разгорается,

Вот Владимир Ильич славный Ленин-свет,
Крепко спит у нас наш великий вождь,
Во тужурочке лежит он военною,
Очи ясные его да призакрытые,
Уста мудрые призамолкнули,
Руки белые прираскинуты,
В изголовьицы стоят красны богатыри,
Крепко держат во руках да ружья светлые,
Ружья светлые, замки крепкие.
Они вернулись в каменну Москву с победушкой,
Они били-громили врага лютого,
Напускались в бой по богатырскому,
Они стреляли ядрами калеными,
Они кололи злодеев копьями острыми,
Закинали их палицами разрывчатыми,
Рассекали их мечами булатными,
Затоптали их конями борзыми,
Они гнали немцев из городочиков,
Из мелких, частых родных деревенок,
Они топили их в болотах жидких-то,
В речках быстрых-то, каменистых-то,
В морях южных, в морях северных.
За отвагу их богатырскую,
За подвиги их за геройские
Им назначили да честь великую
Караул держать да в мавзолее-то.

Как загремели пушки скорострельные,
Тогда вспомнили богатыри свои сраженьица,
Крепко сжали во руках ружья светлые;
Зорки светлы лучи в мавзолее просветили,
Озарили, осветили лицо белое
Самого вождя славна Ленина,
Он лежит наш свет, будто улыбается.
На высокую башню на Кремлевскую
Вышел сам же наш великий Сталин-свет,
Он в шинели-то вышел во военную,
Во правой руке держал трубочку подзорную
Светлого стекла восточного,
Зорким взором он своим всё просматривал.
То не в чистом поле рожь колыблется,
То не вешний лед по реке пошел,
То идет народ московский всё по улицам,
Вот со радостью да со весельицем,
Придел народ да платье цветное.
Разыгралось небо искрой-пламенем,
Ретивы сердца у народа взволновались,
Обнимали друг ведь друга тут со радости.
Пел народ честь-славу Красной Армии,
Благодарил народ дорога вождя,
Вот Иосифа свет Виссарионовича,
За его труды богатырские,
За его заботушку премудрую,

Что повыручил он нашу родину,
Отогнал злодея немца от каменной Москвы,
Повыгнал лиходея со Волги-реки,
Побивал силу его у Сталинграда-то,
Очистил от ворога Днепр-реку,
Освободил родной Киев-град,
Розгромил супостата на Неве-реке
Возле славного Ленинграда-то.
Со востоку-то катится солнце красное,
Идет, идет наша армия да всё вперед,
Текут реченьки свободно в моря южные,
Текут реченьки-то вольно в моря северны,
Гремит-бежит славушка из веку в век.
Не пропеть будет всего пропевателям,
Не рассказать всего рассказателям,
Слава Сталину будет вечная,
Из веков в века не забудется.

ПРИМЕЧАНИЯ

Воспроговорит да Илья Муромец

Записала Э. Г. Бородина-Морозова в ноябре 1942 г. Один из первых откликов М. С. Крюковой на Отечественную войну. Вариант и дальнейшее развитие—в тексте „С великим праздником“, опубликованном в газете „Большевицкая пугина“ (с. Рикасиха, Приморского района, Архангельской области) от 23 февраля 1943 г.

„Он ведь старой наш богатырь-от.

Не в земле лежит, не мертвым сном же спит..

...И он ведь держит в руке правую,

Он свой держит золоченой все туриной рог.

Все ведь слышит во туриной рог да как дела идут.

Растреложилась да вся земелюшка

Записали Э. Г. Бородина-Морозова и А. А. Морозов. Ноябрь—декабрь 1942 г. Картина выезда богатырей выдержана в традиционных, излюбленных Крюковой былинных тонах.

Сказание об Александре Невском и Ледовом побоище

Записала Э. Г. Бородина-Морозова в ноябре 1942 г.

Костя Новоторженин — новгородский богатырь и дружинник Василия Буслаева. Тип ушкуйника. Несокру-

шимый удалец и верный товарищ, первым отозвавшийся на клич Василия Буслаева:

Пришел он, Костя, на широкий двор,
Василий тут его опробовал,
Стал его бити червленым вязом.
В половину было налито
Тяжелого свинцу чебурацкого.
Весом тот вяз был во двенадцать пуд.
А и бьет он Костю по буйной голове,
Стоит тут Костя не шевельнется,
И на буйной голове кудри не тряхнутя.
Говорил Василий сын Буслаевич:
„Гой еси, ты, Костя Новоторженин,
А и будь ты мне названный брат
И паче мне брата родимого“.

(*Кириша Данилов*, „Древние русские стихотворения“, М. 1938. Ср. *Крюкова*, Былины, т. II, № 77)

„Наложил печать крговавую на чело его“ — имеется в виду единоборство Александра Невского со шведским рыцарем Биргером. „Возложил печать на лицо ему острым копьем своим“. читаем мы в житии Александра Невского. Появление шведов в устье Невы относится к июлю 1244 г.

Разбитые наголову шведы бегут, нагрузив три корабля телами павших рыцарей. Эти три корабля есть и в памятниках, но само число (упоминание именно трех кораблей) фольклорно.

Реи висучие — виселицы. Своеобразное определение Крюковой.

„Зачалася битва страшная“ — ледовое побоище 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера, у Вороньего камня, на Узмени. летописное свидетельство: „Немцы и чудь пробились „свиньей“ сквозь полки. И была тут сеча злая и великая, немцам и чуди, и треск от ломления копий и шум от ударов мечей, так что лед на

замерзшем озере двинулся и не видно было льда, ибо все покрылось кровью" (перевод).

Выражение „псы-рыцари“ усвоено Крюковой из современных источников, однако, входит в ряд сказочных представлений о вражеской силе.

Сказание о Димитрии Донском и Куликовом поле

Записала Э. Г. Бородина-Морозова в декабре 1942 г.

В соответствии с народной традицией сказание о Димитрии Донском открывается описанием татарско-монгольского ига. В старинной исторической песне о Щелкане Дуденьевиче поется:

Брал он млад Щелкан
Дани невыходы,
Царски невыплаты...
У которого денег нет,
У того дитя возьмет,
У которого дитяти нет,
У того жену возьмет,
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.

(*Кирша Данилов*, изд. 1938, стр. 22.)

Эта песня приведена в книге, бытовавшей издавна у Крюковых. (Книга без начала и конца — популярное изложение русской истории, украшенное отрывками из исторических песен и былин).

„Тут не темна туча закаталася“ — нашествие злой силы всегда передавалось в фольклоре, как наполнение тяжелой темной тучи. В песне, посвященной набегу крымского хана Девлет Гирея на Москву (в 1572 г.), являющейся самой старой из известных нам записей исторических песен:

А не сильная туча затучилась,
А не сильные громы грянули,
Куда едет собака Крымский царь?
А к сильному царству Московскому.

(П. А. Симоны, Велькорусские песни, записанные в 1816—1820 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. СПб., 1907).

„У реки Оки они свидетелись“ — за два года до Куликовской битвы, 11 августа 1378 г. на берегу Важи, притока Оки, померялись силой русские рати и татарская конница. „На челе“ русских ратей шел Димитрий Иванович. Татары были разбиты наголову. Только туман помешал их полному истреблению.

Сказание о Гришке Росстриге, Маринке неверной и о богатырях Минине и Пожарском

Записал А. А. Морозов в марте 1945 г.

„На великий день да на Миколин он“ — имеется в виду день „вешнего Миколы“ — 9 мая. Самозванец женился 8 мая 1606 года, нарушив старинный русский обычай, возбранявший свадьбу в подобный день. (Ср. „Сказание Авраамия Палицына“, Русск. историч. библ., т. XIII, стр. 993).

„Во ту пору-то Росстрига в бане мылся“ — ср. в записи Гильфердинга („Онежские былины“ № 236) из Кенозера:

Его свадьба была да не в указной день,
Да на вешний праздник Миколин день:
Да бояра ты пошли к заутрени,
Да Гришка с Маришкой в байну пошли.
...Да на Гришке-то шуба черна соболя,
На Маришке салоп красного золота.

„А поляки-то по Москве по граду похаживали“ — даже иностранцы отмечали наглое поведение панов на

этой свадьбе: „Поляки при сем случае напились допьяна и, возвращаясь домой, позволяли себе весьма наглые поступки: рубили саблями встречавшихся москвитян и извлекали из карет знатных боярынь для удовлетворения гнусного сладострастия.“ См. *К Вуссов*, „Сказания современников о Димитрии Самозванце“, изд. 2-е, ч. 1, СПб., 1837. стр. 70—71).

„По грехам его так случилось“ — Первый самозванец был убит в ночь с 16 на 17 мая 1606 г.

Ср. в записи Бородиной-Морозовой от 5/IX 1938 г. (Былины М. С. Крюковой, № 111) историческую песню „Про Гришку Росстригу“:

Как тут Москва же вся да zvolноваласе,
...Тут стрельцы-удальцы да все бросалисе,
Ко дворцу его да приезжали же,
Обступили кругом дворець его.
Тут ведь Гришка-то Росстрига ужახнулсе же,
Он на верхни полаты ухολил тогда;
Когда тут же народ zvolновалисе,
Тут стрельцы-ти стали ходить да
по полатушкам

Гришка соскоцил он из окошечка
...Он сломил себе да ноги резвые,
Он ведь вывихнул себе да буйну голову,—
Как тогда же Гришки-то Росстриги тут
кончинушка случиласе,
Скора смерть ему да приключиласе.

„Обернулася сорокой белобокою“ — так же и в записи Гильфердинга („Онежские былины“, № 236): „обернулася из окошечка сорокою“. Образ Марины — колдуньи и чародейки — прочно вошел в народную поэзию и даже перенесен в былинную „О Добрыне и Маринке“.

Исторического первого самозванца также обвиняли в том, что он был чародей и водился с дьяволом. В песне:

„Стоит Гришка Росстрижка, Отрепьев сын,
Против зеркала хрустального,
Держит книгу в руках волшебную,
Волхвует Гришка Росстрижка, Отрепьев сын“.

(Гильфердинг, № 14.)

Сказание о Суворове и его чудо-богатырях

Записал А. А. Морозов в апреле 1943 г.

„Енерал Суворов богу молится“—это песня, которую пропеваает М. С. Крюкова и другие пожилые поселницы в Золотице. В песне рассказывается, как Суворов отпустил на побывку молодого солдата.

„Путь-дороженьку держал да на Мезень-реку“. Приводим прозаический сказ „Суворов и Мезенский солдат“ в записи Э. Г. Бородиной-Морозовой от М. С. Крюковой:

„В одно время по весне ехал в путях-дорожках на Мезень полководец Суворов на свиданьице к своему другу любимому. Соскучился он, прошло несколько лет, как не получивал полководец от друга ни письма, ни грамоты, ни словесного челобитьца. Вешные дорожки не очунь хороши — реки разливаются, снежки белые тают. Только ярко светит солнце красное. Не зной, долго ли, скоро ли попадал на Мезень Суворов. Думал он таку думушку: „Если нет в живых друга любимого, поклонюсь на могиле праху его и поставлю памятник“.

„Суворов ехал и расспрашивал о друге, а на первых станциях не знал никто ничего, потому что не близко от его деревни. На полководце сверху одежда была простая, а под низом форменная военная. Где Суворова принимали ласково, а где-ка и с руганью: „Куда ты, солдат, торопишься? Ты, старик, не жениться ли собираешься?“ А Суворов рогсмехнется и ничего боле не скажет.

„А последнюю станцию его везти привелся мужик мезенец хороший. И разговорились. „А живой ли, не живой ли старик солдат?“—стал спрашивать Суворов: „Вместях он со мной служил. Мы горе и радость делили пополам. Кабы не он, я и живой не был — он меня раненого на своих плечах с поля бранного вынес.“— „Живой твой друг, служивой“,— ответил мезенец,— „живет со старухой, богатства не имеет и голодом не сидит“.

„Ехал он в пасочную ночь. Увидали деревню — огней много в деревне, как звезд на небе. Зазвонили колокола. Суворов рассчитался с ямщиком и попросил завести свои суночки-котомочки к жене солдата. А в ограде народа видимо-невидимо. Суворов пошел в последних и хотел дойти до крылоса попеть-почитать. А не мог попасть на крылос. И стал Суворов в сторону. А друга своего солдата Суворов нигде не видит. Отстоял Суворов всю ночь, отстоял заутреню. Народ захристосался. И пошел Суворов ко кресту, а потом вышел во трапезу, а там у печки стоит его друг“.

„Тут и стрета ихна была — не знают плакать или радоваться! И скричал тогда солдат: „Кого я вижу — полководца Суворова Александра Васильевича!“ А мезенцы дивуются: „С ума ли говорит этот старик?“

„А за обедней все узнали полководца, и все мужики заздоровались и захристосались и непрежнему скричали: „Ура! Полководцу великому честь и слава!“ — И когда отошла обедня христовская, наносили ему яиц Суворов стал отказываться: „Куда мне с яйцами? Не на лошади везти“.

„И пошел Суворов к другу своему. А тогда, в прежнее время, тоже не лежали вестн на одном месте. Забежали к старухе ребята да жонки и сказали, кто гость к ним наехал. Она стретида полководца с чести, с радости. Обед был, может, и плоховатый, зато сидел

Суворов с другом верным, трои суточки гостил Суворов у мезенцев. Понравились ему народ северный. А солдат его до Архангельского провожал. Суворов оставил другу денег, жил он со старухой не бедно и не нужно, да и от него еще денег осталось.

„А мезенцы старики долго про Суворова пропевали“.

(Записано в феврале 1944 г. Текст приведен с сокращениями.)

„*Тучи темны, тучи грозны*“ — отрывок старой солдатской песни, припомнившейся М. С. Крюковой.

В песенном репертуаре сказительницы имеются следующие рекрутские и солдатские песни: „Со весны воля до осени“ (использованная М. С. Крюковой в своей автобиографии „На Зимнем берегу, у моря Белого“ — гл. XIII, стихи 9—53, Архангельск, 1940, запись Бородиной - Морозовой); „Как из Питера, сенота скоро почта выбегает“; „Не подножная трава, тут солдатска голова“; „Уж ты, батюшко-родитель, дай мне пачпорт годовой“; „Медна мера сбрыкала, да родна мать заплакала“; „Нам назначена дорожка, нас отправят во поход“; „Уж ты, матушка родная, ты родима, дорога“; „Пеки, мама, пироги, сынка вперед побереги“; „Жалко, матушка, тебя да жалко батюшка-отца“; „Уж вы полноте, снежочки, на талой земле лежать“; „В Костроме во городе приемная стоит, во приемной-то ведь стульцо стоит“; „Не есен сокол вылетывал“; „Не бушуйте-тко, да ветры буйные“ и др. (Записи 1939—1944 гг.)

„*Вот привез капрал да скору грамоту*“. Бойкая лубочная книжка „Генералиссимус Суворов“ в изд. Холмушина (1907 г.) с красочной обложкой „Переход через Альпы“ до сих пор ходит по деревне. Есть в ней и приведенный анекдотец.

„*Чтоб носил солдат косу длинную*“. Коса длинная у солдат — в XVIII веке — по прусскому образцу сол-

даты носили пудренные прически с косой на затылке и буклями под ушами. Суворов был противником этой немецкой выдумки, как вообще всей системы прусской муштры, превращающей солдата в бессмысленную куклу.

Измаил — сильно укрепленная турецкая крепость, взятая штурмом русскими войсками под предводительством Суворова 11 декабря 1790 г.

„Просмотрел всю силу неприятельску“. -- Приводим текст песни „О хитрости Суворова“, записанной от М. С. Крюковой 11/X 1943 г.

Во несчастный день во среду,
На великую на пятницу
Злы же турки тогда да напивались,
Напивались они да зелена вина,
Во хмелюшечке злодеи похвалялись:
„Мы идем сейчас, сказать, да приближаемся,
Будет нам же все время счастливое,
Мы пройдем, зайдем в мать-Россиюшку...
Во Москве, вашей столице, пообедаем,
В Петенбурхе славном городе поужинаем“.
Во ту пору-то да во то времячко
Привелосе полководцу славному Суворову
Александру свет Васильевичу
Мимо итти турецки полки да силы-армии,
Услыхал же он таковы речи.
Тут не люто зелье разгорелосе,
Богатырско сердце растреложилося,
Могучи плечи да сшевелилисе,
Лепета в лица перемениласе,
Он топнул в землю ногою правую,
Возмахнул своей рукою белою,
Поперек слово сказал да платком слезы
утирал:

„Не бывать же вам, злодеи, в каменной Москве,
Не живать же вам, злодеи, в Петенбурхе
славном городе,
Мои дети все солдаты новобранные,
Они со мной во бои пойдут, во сраженьице,
Разобьем врагов и неприятелей,
Не допустим родну земелюшку до поруганьица,—
Не бывать султану турецкому в управителях“.

(Запись А. А. Морозова)

Сказание о Кутузове и пожаре Московском

„Записали Э. Г. Бородина-Морозова и А. А. Морозов
в январе 1943 г.

Белому морю радость великая

Записал А. А. Морозов в феврале 1944 г.

Развернутое в отдельную поэму четвертое пропе-
ванье беломорского сказания „Тридцать три морских
богатыря“, записанное в июле 1943 г. (первоначально
в журнале „Краснофлотец“, М. 1944 г., № 4).

Рубеж земли родной

Записал А. А. Морозов в мае 1944 г.

Кремлевские салюты

Записал А. А. Морозов в марте 1944 г.

Все публикуемые тексты записывались с голоса,
складывались путем импровизированного пропевания.
Тексты даны в литературной обработке А. А. Моро-
зова. Эта обработка сводилась к устранению длиннот,
возникающих в процессе медленного „выпевания“ сю-
жета, расплывчатых описаний и повторов. Часто рит-

мическая строка получалась лишь благодаря обилию вспомогательных частиц („то“, „всё“, „ведь“) или растяжению гласных, что естественно для „пропеванья“. Для печати такие строки упорядочивались, однако, без внесения каких-либо новых лексических элементов. По возможности сохранены также все особенности местного говора, имеющие художественное значение.

ГЛОВАРНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Баламуточки — шутки, прибаутки, балагурство.

Баса — красота; *баской* — красивый.

Батог — палка, посох, трость.

Беготство — вежество (куртуазия, вся совокупность феодальных придворных качеств) — достоинство, обходительность, образованность, учтивость.

Богасьвицо — богатство.

Борзый конь — резвый, горячий, выносливый.

Брамант, камень брамантов — мрамор.

Браная скатерть — из узорчатой рединки.

Буйн-остров — название острова из русских народных сказок.

Вихорь — сильный ветер, вихрь; *Вихорь Вихоревич* — олицетворение ветра буйного.

Вместях — вместе.

Воздыматься — всходить, взбираться.

Врака — вымысел, басня, вранье.

Городовой — городской.

Гридна (гридня) — приемная комната в княжеских палатах. „Палаты или княженецки светлы горницы“ (М. С. Крюкова).

Дельшко — дело.

Досельный — старинный, старопрежний; в *досельнее время* — в старину.

На дым спустить — сжечь дотла, спалить.

Закинуть — забросать (снегом, песком).

Замог — мог. „Не замог же встать“ — не смог подняться.

Зачать — начать; ср. „зачать сксрой бой вести“.

Зелье — порох.

Игромый — предназначенный для игры (дудочки игромые, арфы игромые) — о музыкальных инструментах; резвый (о животных).

Изгиленъице — глум, насмешка, оскорбление; *изгиляться* — насмехаться, глумиться, подымать на смех, оскорблять, надругаться.

Изможенъице — достаток, средства; *по изможенъицу* — по средствам.

Именьицо — имущество, богатство, достояние.

Испосажены — усажены, унижены.

Катанцы — валенки.

Кикать (о лебедях) — кричать, петь.

Кинать — бросать, кидать.

Кисовый — первоначально „из тиса“ (род красного дерева). В „Слове о полку Игореве“ — „на кровать тисова“ (во „Сне“ Святослава). В устной поэзии это слово сохранилось, но уже с толкованием „тесовый“, со смутным воспоминанием о пышности, ибо входит в ряд эпитетов при убранстве княжеского терема — кроватушки кисовые, перинушки пуховые, соболиные одеялышка. Так воспринимает это слово и Крюкова: „деревянная, выточенная, как будто из золота, смеется — вот кисовая кровать“.

Кониная — конская.

Косичато (окно) — с косяками, обшитое досками.

Куна — куница.

Куропоть — куропатка.

Лада милая — обращение к мужу (в песне).

Лекета — румянец, красота.

Лесина — дерево.

Ляси — лстыивые, обольстительные, лживо ласковые речи.

Ляхи — поляки.

Манежно — здесь в значении молодцевато.

Могута — сила, мощь, крепость; „бодрость — человек здоровый“ (М. С. Крюкова).

Морска музыка — шум волн, прибой; также непогода.

Московчана — москвичи.

Муравленный — от „мурава трава“. Печи муравленные — с обливными изразцами, с „травками“ — разводами. „Наводили красками, на печку намуравлено“, толкует и Крюкова.

Мурзаметкое — от слова „мурза“ — восточного происхождения

Надоть — нужно, надобно.

Надеюшка — надежда.

Накататься — найти, надойти, надвинуться; накаталась туча.

Након — раз; *во третей након* — в третий раз.

Напечь войной — пойти войной, надойти.

Напуском смел — храбр и горяч, стремительный и отважный; „очень бойкий“ (М. С. Крюкова).

Народен — люден; *народом рад народен* — многолюден.

Невзгодная (жизнь) — полная тягот и опасностей.

Новой — иной, другой.

Обидушка, — обида, также в значении — притеснение.

Облясить — обойти лукавыми, лстивыми речами.

Огрубиться — обидеться, осердиться.

Одаливать — одолевать.

Оздороветь — выздороветь, поправиться.

Окольница — окно.

Окутаться (одеялом) — завернуться, покрыться.

Ослышаться — не послушаться, *ослушаться* — не исполнить приказания.

Переветник — изменник, предатель, перебежчик к врагу (слово книжное).

- Перепались* — перепугались.
- Пересийский* — персидский.
- Побасточка* — хорошие манеры.
- Подорожник* — здесь: разбойник на путях-дорогах.
- Подпруги* — ремни у седла.
- Поздый* — поздний.
- Покляп на перед* — пригнутый книзу, скрюченный, сутулый.
- Почрутехонько* — торопливо, наскоро, без оглядки.
- Полесничать* — охотиться.
- Порошка снежку белого* — первый, чистый снег.
- Поскорешенько* — поспешно, быстро, торопливо.
- Правдедко* — прадед.
- Приокутаться* — покрыться, завернуться.
- Приужахнуться* — прийти в ужас.
- Приусякло* (о лице) — побледнело, осунулось.
- Проваженки* — проходы.
- Пропадужина* — мясо павших животных, дохлятина.
- Пространный* — открытый, свободный; *жизнь пространная* — свободная, широкая, радостная; *пространная вода* — открытая, свободная от льдов и от мелей.
- Распустошенный* — разоренный, сожженный, разрушенный, разграбленный.
- Раступиться* — отказаться, расстаться.
- Реи висучи* — здесь в значении виселицы.
- Ретивый* (эпитет сердца) — горячий, мужественный; ретиво сердце.
- Родовой* — природный, естественный, подлинный, настоящий.
- Рушадь* — резать ножом.
- Рытый бархат* — не гладкий, с вытканными рисунками.
- Сголовье, сголовицо* — изголовье, подушка; „в сголовьях подушечка вертелася“ (М. С. Крюкова).
- Сдвинуть, содвинуть* — создать, основать, установить.

Секот — сенат.

Во середишах — в середине.

Сижа — сидя; *сижа сидеть* — тавтология (часто в былинах).

Сила — войско. Сила приходящая — неприятельское, вражеское войско, воспоминание о набегах кочевников, приходящих из глубины степей.

Сила-армия — войско и армия, главным образом, пехота; излюбленное дополнение „конска гвардия“.

Скательный — эпитет жемчуга: крупный, отборный, ровный.

Сколоть — заколоть, умертвить.

Скончеваться — умирать.

Снежурочки — снежинки.

Созреть — увидеть, узреть.

Станы рыбные — места, где скопляется рыба; „рыба речна во станы ушла“.

Стоялая конюшня — стойло. Стоялый — постоянный эпитет в былинах для конюшен.

Стреложить — растревожить, взволновать, всколыбать; „он стреложит морюшко до донышка“ (М. С. Крюкова).

Стрета — встреча; *стретный ветер* — встречный.

Тишина — спокойное, неволнующееся море.

Толстоломщина — тяжелый, черный труд; также — люди этого труда, необученные чернорабочие. К толстоломщине применяют поговорку: „Не умеешь шить золотом, бьешь тяжелым молотом“, „Силой навоз конают, а сметкою корабли пихают“ и т. д.

Трелога — тревога, забота, испуг, беспокойство, иногда кручина.

Троелеточка — трехгодовалый.

Туречина — Турция.

Убег — бегство.

Ужаснуться — испугаться, утрашиться, ужаснуться.

Унарнживать — убирать, снаряжать.

Утулиться — спрятаться, схорониться, укрыться.

Хвостать хлестать, стегать.

Хорониться — укрываться, прятаться.

Хвальные — славные, знаменитые.

Цветное платье — праздничное, нарядное; одежда богатырей, в которой они сидели на пирах.

Чемра — туман, мгла, гарь, иногда морозящий дождь — «трусит чемра».

Чухарь — глухарь.

Ярый воск — белый.

НОВИНЫ М. С. КРЮКОВОЙ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Библиография*

I

1. „Северное сказаньице“, журн. „Крестьянка“, Москва, 1942, № 23—24.
2. „Растреложилась да вся земельюшка“, — записали Э. Г. Морозова и А. А. Морозов, „Звезда“ № 1, 1943, Ленинград, стр. 12—15.
3. „Едут русские богатыри“, газ. „Правда Севера“ от 7 I-1943, Архангельск.
4. „Приезжайте на Север“, — записал А. Морозов, газ. „Большевистская путина“ от 14 I-1943, с. Рикасиха.
5. „Воспроговорит да Илья Муромец“, журн. „Звезда“ 1943, № 2, стр. 5 (первая редакция текста).
6. „Здравница Красной Армии“, — „Звезда“ 1943, № 2, стр. 5.
7. „С великим праздником“ — записала Э. Г. Морозова, „Большевистская путина“ 23, II—1943.
8. „Сказ про то, как храбрый помор Фока с немецкими злодеями воевал“ — записал и обработал А. Морозов, газ. „Северная вахта“ от 27/VI 1943 г.

* Библиография охватывает публикации до I/VI 1944 г.

9. То же, журн. „Краснофлотец“ 1943, № 16, Москва стр. 19-22 (с рисунками В. Домогацкого).
10. „Сказ о младом поморе Фоке“, альманах „Север“, Архангельское областное изд-во, 1943, стр. 81—91 (самый полный текст).
11. „Про Зосиму Рашева — беломорского богатыря“, записал А. Морозов. „Большевистская путина“ 3/VIII 1943.
12. „Сказ про ледового капитана Ивана Котцова“, — записал А. Морозов, газ. „Моряк Севера“ от 21 VIII 1943 г., Архангельск.
13. „Заставушки богатырские“, записал и обработал А. Морозов, газ. „Пограничник Севера“ 1943 № 68 и № 69 (полный текст).
14. То же, журн. „Пограничник“ 1944, № 3—4, Москва, стр. 36—37 (сокр. текст).
15. „Тридцать три морских богатыря“, беломорское сказание М. С. Крюковой, записал и обработал А. Морозов, журн. „Краснофлотец“ 1944, № 4, Москва, стр. 25—30.
16. „Тридцать три беломорских богатыря“, „Северная Бахта“ от 17 II 1944 г.
17. „Три орлицы“ (Памяти Марины Расковой), записала Э. Г. Бородинна-Морозова, „Пограничник Севера“ от 8 III 1944.
18. „Кремлевские салюты“, газ. „Правда Севера“ от 16 IV 1944 г. (сокр. текст).
19. „Кремлевские салюты“, „Пограничник Севера“ 1944, № 17.
20. „Сказание о Суворове и его чудо-богатырях“, „Погран. Сев.“, 1944, №№ 10, 12, 13, 15, 16, 17.
21. „Громы вешние победные“, „Большевистская путина“ 1944, № 18.
22. „Весна победы“, „Погран Севера“ 1944, № 21.
23. „Славушка морская“, былина-сказка о великом

ф. лотоводце Феторе Ушакове, записал и обработал А. Морозов. „Северная вахта“ от 28 V 1944 г.

II

1. Вл. П о м о р ц е в (В. Жилкин).—Новины М. С. Крюковой о Красной Армии, „Правда Севера“ от 13, II 1943 г.
2. Ал. М о р о з о в, — У Марфы Крюковой, „Правда Севера“ от 16, VI 1943 г.
3. Ал. М о р о з о в, — Марфа Крюкова — поэт Белого моря, газ. „Моряк Севера“ от 3 VII 1943 г.
4. Александр Морозов, — Тридцать три морских богатыря, газ. „Красный флот“ 1943, № 175, Москва.
5. То же, „Правда Севера“ от 9 IX 1943 г.
6. Александр Морозов, — Марфа Крюкова, газ. „Москау ньюс“ от 13 VIII 1943 г., Москва (на английском языке). (С портретом М. С. Крюковой).
7. В. Сидельников, — Народ о моряках, журн. „Краснофлотец“ 1943, № 16 Москва. (С портретом М. С. Крюковой)
8. А. Морозов. Сказительница Марфа Крюкова и русские богатыри, — „Погран. Сев.“ 1943, № 67,
9. А. Морозов, — Море в русских былинах, „Северная вахта“ от 18 III 1944 г.
10. А. Морозов. — О работе сказительницы М. С. Крюковой, „Больш. путника“ от 6 IV 1944 г.
11. А. Морозов, — Новые сказы Марфы Крюковой газ. „Правда Севера“ от 9, IV 1944 г.
12. Н. З а м о ш к и н, — Литературный Север, газ. „Литература и Искусство“ 1944, № 15. (О сказе Крюковой „Храбрый помор Фока“).
13. А. Морозов, — Народное сказание о Суворове, газ. „Пограничник Севера“ 1944 г. № 10.
14. А. Морозов. Поэма морской славы, газ. „Красный флот“ от 20, V-1944.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Морозов. О новых сказах Марфы Крюковой</i>	3
<i>М. С. Крюкова. Сказы:</i>	
Воспроговорит да Илья Муромец	23
Растреложилась да вся земелюшка	25
Сказание об Александре Невском и Ледовом побоище	34
Сказание о Дмитрии Донском и Куликовом поле	48
Сказание о Гришке Росстриге, Маринке неверной и богатырях Минине и Пожарском	67
Сказание о Суворове и его чудо-богатырях	87
Сказание о Кутузове и пожаре Московском	103
Белому морю радость великая	117
Рубеж земли родной	126
Кремлевские салюты	131
<i>Примечания. Составил А. А. Морозов</i>	135
<i>Словарные пояснения. Составила Э. Г. Бородина-Морозова</i>	146
<i>Библиография</i>	152

Редактор *Т. Н. Трескина*
Тех. редактор *Н. Ткаченко*

Архангельское изд-во, 1946 г. Изд. № 3017
Тираж 10000. Форм. бум. 60x21^{см}. Объем:
47¹/₂ печ. л., 27¹/₁₆ бум. л., 5,49 уч. изд. л.
Сдано в производство 28/III-46 г. Подписано
к печати 17/VI-46 г. оз-00782 заказ № 40.
Цена 5 р. 50 к

Типография им. Скляпина. Архангельск,
Набережная им. Сталина. 86.